

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Минюхина Татьяна Сергеевна

ПЕРЕВОД РЕАЛИЙ В ПРОЗЕ МИХАИЛА БУЛГАКОВА

Выпускная квалификационная работа магистра

Направление подготовки: Лингвистика 45.04.02

Профиль: Теория перевода и межъязыковая

коммуникация: немецкий язык;

Научный Руководитель:

к.ф.н., доцент Корышев М. В.

Рецензент:

к.ф.н., доцент Бурмистрова Е. В.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

2017

Оглавление

Generating Table of Contents for Word Import ...

Введение

На современном этапе развития переводоведения все больше внимания уделяется вопросам, связанным с национально-культурной спецификой языков. Национально-культурные различия при сопоставлении языков проявляются на всех уровнях, в том числе на лексическом. Наиболее частотными и регулярными лексическими единицами с национальной спецификой являются реалии. Именно реалии как национально-специфические элементы аспекта текста вызывают наибольшие затруднения в процессе перевода как акта межъязыковой и межкультурной коммуникации.

Проблема перевода реалий достаточно популярна и становилась объектом изучения для многих как отечественных, так и зарубежных лингвистов. Наиболее значимые публикации в данной области принадлежат таким отечественным ученым, как Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров, В. С. Виноградов, Г. Д. Томахин, Н. А. Фененко и т. д., а также зарубежным исследователям – С. И. Влахову и С. П. Флорину, В. Коллер, Б. Бёдекер, Г. Нильш, Э. Маркштайн, С. Шуберт-Кройтцер и др.

Однако, несмотря на интерес к изучению процесса передачи реалий, вопрос о выборе переводческого приема с учетом их принадлежности к той или иной тематической группе остается мало изученным, это и определило **актуальность** данного исследования.

Объектом исследования является процесс перевода русскоязычных реалий на немецкий язык.

Предмет исследования составляют приемы передачи русских реалий в немецких переводах произведений М. А. Булгакова.

Цель исследования заключается в изучении закономерностей передачи реалий на иностранный язык: переводческих приемов и их комбинаций, факторов, влияющих на выбор того или иного приема, и адекватности переводных эквивалентов русских реалий в немецких переводах произведений М. А. Булгакова.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие **задачи:**

- уточнить объем понятия «реалия» в переводоведении;
- выявить основные подходы к проблеме классификации реалий;
- проанализировать роль слов-реалий в создании культурного фона художественных произведений;
- рассмотреть лингвокультурологический контекст произведений М. А. Булгакова и определить роль слов-реалий в создании их культурного фона;
- разработать классификацию русских реалий в произведениях М. А. Булгакова;
- систематизировать приемы передачи реалий из различных тематических групп.

Цели и задачи работы определили её **структуру**. Она состоит из введения, теоретической и практической глав, заключения и библиографии.

Материалом исследования являются повесть М. А. Булгакова «Собачье сердце» и роман «Мастер и Маргарита» и их переводы на немецкий язык, а также данные двуязычных и одноязычных толковых словарей русского и немецкого языков, специальных справочников и энциклопедических словарей.

Методология и методика исследования. Исследование выполняется в русле переводоведения. Исходя из поставленной цели, в работе мы применяем следующие методы исследования:

- аналитический метод (в процессе анализа научной и научно-методической литературы по теме исследования, научных концепций в современных отечественных и зарубежных исследованиях);
- метод сплошной выборки материала (для выделения реалий в оригинальных текстах);
- сопоставительный метод анализа (при сравнении текстов перевода с оригиналом для выявления приемов передачи реалий);

– контекстуальный метод (для определения особенностей функционирования исследуемых единиц в русских текстах и немецких переводах).

Методологическую базу исследования составляют труды, посвященные общим вопросам теории и практики перевода (А. В. Федоров, В. Н. Комиссаров, Р. К. Миньяр-Белоручев, С. Г. Бархударов, В. С. Виноградов, И. С. Алексеева, Н. К. Гарбовский, В. В. Сдобников, П. Ньюмарк), а также проблемам перевода реалий (С. И. Влахов, С. П. Флорин, М. Л. Алексеева, Н. П. Чепель, Н. Ю. Хорецкая, Н. А. Фененко, П. Куямяки, А. Вежбицкая, А. Фернандес Гуэрра).

Научная новизна магистерской работы заключается в том, что в ней впервые были систематизированы по тематическим группам русские реалии в повести М. А. Булгакова «Собачье сердце» и романе «Мастер и Маргарита» и выявлены закономерности применения переводческих приемов и их комбинаций при передаче русских реалий из различных тематических групп в текстах переводов.

Теоретическое значение работы состоит в изучении такой важной для теории перевода темы, связанной со спецификой национального языка, как реалии и проблемы их перевода, что вносит определенный вклад в развитие общей теории перевода.

Практическая значимость заключается в возможности использования результатов исследования на занятиях по теории и практике перевода при прохождении соответствующих тем, а также при подготовке русско-немецкого словаря российских и советских реалий.

Глава I. Понятие «реалия» в переводоведении

1. Реалия как носитель национального колорита

Национальный язык отражает особенности жизни какого-либо народа и его страны (природные условия, географическое положение, ход исторического развития, характер социального устройства, тенденции общественной мысли, искусства, науки) [62, с.1-2]. Ввиду этого каждый язык можно назвать носителем национально-культурного кода того или иного народа, основу которого составляют лексические единицы, поскольку в их значении особенно отчетливо прослеживается связь языка и культуры [23, с. 3].

Первые крупные теоретические работы, освещающие проблему выделения, классификации и передачи на иностранный язык национально-специфических единиц, появились во второй половине прошлого столетия.

Чаще всего в научной литературе встречаются следующие термины:

- «безэквивалентная лексика» – слова, не имеющие эквивалентов за пределами языка, к которому они принадлежат (Е. М. Верещагин и В. Г. Костомаров, Г. В. Чернов, А. В. Федоров);

- «реалии» – это слова и словосочетания, называющие предметы, явления, объекты, характерные для жизни, быта, культуры, социального развития одного народа и малознакомые либо чуждые другому народу, выражающие национальный и (или) временной колорит (С. Влахов, С. Флорин);

- «экзотизмы» (экзотическая лексика) – лексические единицы, обозначающие географические и исторические реалии (А. Е. Супрун);

- «пробелы» (лакуны) – ситуации, обычные для культуры одного народа, но не наблюдаемые в другой культуре (И. И. Ревзин, В. Ю. Розенцвейг);

- «варваризмы» – слова, с помощью которых становится возможным описание чужеземных обычаев, особенностей жизни и быта, создание местного колорита (А. А. Реформатский);

- «этнокультурная лексика», «этнолексемы» – лексические единицы, характеризующие систему знаний о специфической культуре определенного народа как историко-этнической общности людей (Л. А. Шейман);

- «этнографизм» или «этнографический диалектизм» – слова, известные лишь в определенной местности (Д. Э. Розенталь, И. Б. Голуб, М. А. Теленкова);

- «ксенизм» – варваризм, заимствованное, но не ассимилированное слово или выражение, бытующее в каком-либо языке (Р. И. Кусова);

- «алиенизм» – слово, заимствованное из другого языка, сигнализирующее о другой культуре (В. П. Берков).

М. А. Алексеева отмечает, что национально-специфичная лексика исследуется в смежных лингвистических дисциплинах в разных ракурсах с применением различной терминологии. Для ее наименования в работах по теории и практике перевода используется термин «реалия», который актуализировался в современном переводоведении во всей своей многозначности [2, с. 19].

В представленном перечне наиболее широким по своему содержанию является понятие «безэквивалентная лексика» — лексические единицы, которые не имеют ни полных, ни частичных эквивалентов среди лексических единиц другого языка. Реалии входят как самостоятельный разряд слов в состав безэквивалентной лексики. Со временем некоторые из них фиксируются в словарях языка перевода. Такие реалии не являются собственно безэквивалентными. Список реалий любого языка более или менее постоянен, не зависит от языка перевода, в то время как словарь безэквивалентной лексики для разных пар языков будет различным [7, с. 41-43]. Все остальные термины сужают представление о содержании понятия «реалия».

Теоретические основы изучения реалий были заложены в середине 40-х годов XX века выдающимся отечественным ученым А. В. Федоровым [44, с. 67]. В его трудах термин «реалия» использовался для обозначения национально-специфичного объекта или явления, а для названия соответствующего уникального объекта и явления термин – «реалия-слово». На эти термины опирались в своих работах ряд отечественных исследователей, занимающихся лексическими проблемами перевода: Л. С. Бархударов, Б. И. Репин, Э. Г. Ризель, Е. И. Шендельс, Г. И. Черемисина, Н. Ю. Зотова.

Во второй половине XX в. в работах по теории и практике перевода термином «реалия» называют и сам денотат, и слово, его обозначающее (Л.Н. Соболев, 1952; В. Россельс, 1955; П.В. Табахьян, 1963; В.Н. Крупнов, 1976; С. Влахов, С. Флорин, 1980; Е. В. Бурбак, 1986; J.G. Quark-Stoilova, 1984; W. Koller, 1992).

В конце XX в. становится очевидным тот факт, что термин «реалия» оказался наиболее жизнеспособным. В рамках Воронежской школы перевода складывается развернутая теория реалии. Н. А. Фененко обозначает явление внеязыковой действительности (предмет) как «R-реалия» от фр. *réalité*, его культурный эквивалент (концепт) – С-реалия от фр. *culturel* и средство номинации этого концепта в языке (лексема) – L-реалия от фр. *lexème*. При этом термин «реалия» сохраняется и используется в качестве родового [34, с. 21-23].

Само слово «реалия» имеет латинское происхождение, это прилагательное среднего рода множественного числа (*realis-e*; мн. *realia* – «вещественный», «действительный»), превратившееся под влиянием аналогичных лексических категорий в существительное [7, с. 6].

Исследователи до сих пор не пришли к единому мнению о том, что составляет объем понятия реалии. Несомненным является тот факт, что в состав реалий входят слова, называющие специфические явления природы, эндемики, блюда, напитки, одежду, обувь, жилище и его части, транспортные

средства, меры, денежные единицы, учреждения, органы власти, государственные и общественные организации одного народа.

М. А. Алексеева выделяет такие характерные признаки реалий, как:

- а) национально-культурная маркированность;
- б) уникальность, специфичность для одной страны, ее культуры;
- в) принадлежность к апеллятивной лексике, к нарицательным существительным [2, с. 20].

Таким образом, реалиями в современном переводоведении называют нарицательные имена существительные, именующие уникальные предметы и явления.

Существует и более широкое понимание. Некоторые ученые-лингвисты к числу реалий помимо апеллятивной лексики относят ономастические реалии: топонимы, антропонимы, названия произведений литературы и искусства; исторические факты и события в жизни страны, а также реалии афористического уровня: цитаты, крылатые слова и выражения. Такое понимание этого лингвистического феномена находит отражение в новых лингвистических направлениях: лингвострановедении, лингвокультурологии, этнопсихолингвистике и теории межкультурной коммуникации [там же, с. 21].

В плане содержания отличительной чертой реалий является характер их предметного содержания, то есть тесная связь обозначаемого реалией предмета, понятия, явления с народом или страной с одной стороны и историческим отрезком времени – с другой. Следовательно, реалиям присущ соответствующий национальный или исторический колорит.

В реалиях находит отображение образ жизни и образ мышления в определенный период времени. В тексте перевода они всегда являются выразителями национального своеобразия культуры и перемен, происходящих в обществе.

Как языковое явление, наиболее тесно связанное с культурой, эти лексические единицы быстро реагируют на все изменения в развитии

общества; среди них всегда можно выделить реалии-неологизмы, историзмы, архаизмы.

В реалиях наиболее наглядно проявляется близость между языком и культурой: появление новых реалий в материальной и духовной жизни общества ведет к возникновению реалий в языке, причем время появления новых реалий можно установить довольно точно, так как лексика чутко реагирует на все изменения общественной жизни [31, с 7-8].

Перевод данного слоя лексики является сложной задачей, которая включает не только передачу понятийного содержания, формы реалий, но и национального и исторического колорита. Передача национального своеобразия подлинника и его особой окраски, связанной с национальной средой, в которой он создан, относится к числу основных проблем переводоведения. Переводчик нередко оказывается перед дилеммой: стоит ли ему заострять внимание читателя на национальной специфике произведения или отдать предпочтение общечеловеческому [25, с. 392].

История перевода знает радикальные ответы на поставленный вопрос. Например, широкое распространение в XVIII веке получило «склонение и переложение на русские нравы» произведений зарубежных авторов. В таком случае перевод не служит средством сближения народов и культур, поскольку он оказывается монокультурным. Другая крайность – перенасыщение текста реалиями приводит к непрозрачности текста, превращая его в один большой знак инокультурности. И опять перевод не выполняет своей миссии, не сближая, а противопоставляя друг другу культуры [33, с. 83].

В данном случае мы согласимся с мнением В. С. Виноградова, который видит решение такой непростой проблемы, как сохранение национального своеобразия подлинника в переводе, не только в том, чтобы передать саму форму реалий средствами переводящего языка, но и в том, чтобы, воспринимая оригинал как целостную художественную систему, создать равноценное литературное произведение и выразить в нем отраженные в

подлиннике особенности культуры людей, живущих в определенной среде, в определенную эпоху и в определенных исторических условиях [6, с. 115].

2. Основные принципы классификации реалий

Количество лексических единиц, называющих предметы и явления, характерные для жизни определенного народа, достаточно велико. С целью изучения особенностей передачи реалий встает вопрос об их систематизации, то есть об определении места, занимаемого конкретной реалией в классификации реалий.

Лингвисты, занимавшиеся изучением данного слоя лексики, выделяют различные виды и типы реалий (А. Е. Супрун, 1958; А. А. Реформатский, 1967; Уфимцева, 1968; В. С. Виноградов, 1978; С. Влахов, С. Флорин, 1986; Шумагер, 1986; Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров, 1990; Р. П. Зоривчак, 1987; Н. И. Кушина, 1988; Томахин, 1988; Н. А. Иванова, 2004). В основе этих классификаций лежат следующие принципы: тематическое или предметное деление, местное, временное, историческое, переводческое. Рассмотрим некоторые из них.

Е.М. Верещагин и В.Г. Костомаров предлагают следующую классификацию русских национальных реалий:

1) советизмы – слова, выражающие понятия советской действительности, которые появились в ходе коренной перестройки общественной жизни после Октябрьской революции (*автономная республика, агитпункт, актив, большевики*);

2) слова-наименования нового быта (*академгородок, бюллетень, БСЭ, барабанщик*) – тесно связаны с советизмами. Советизмы и слова нового быта относятся к подвижной части словарного состава русского языка: одни лексемы постепенно выходят из употребления и со временем переходят в пассивный запас; другие, напротив, извлекаются из пассивного словаря, начинают употребляться все чаще и чаще, пока не достигают пика

активности. В таком случае даже слово, сначала попавшее в пассив и затем возвращенное к жизни, приобретает тесную ассоциативную связь с современностью, становится советизмом или новейшей номинацией явлений общественного бытия.

3) слова-наименования традиционного быта (*балалайка, баня, баян*);

4) лексика из состава фразеологических единиц (*аз: не знать ни аза, начать с азов; баклуша: бить баклуши*);

5) историзмы – наименования предметов и явлений, которые перестали существовать в результате развития общества (*алтын, аракчеевица, боярин*);

6) фольклорные слова (*былина, богатырь, баба-яга, белокаменная*);

7) антропонимы (*Богдан, Борис*);

8) топонимы (*Арбат, Архангельск*);

9) коннотативная лексика (*анчар, береза, белый*);

10) так называемая национально-специфическая лексика (*академический театр, аканье, белый уголь*) [5, с. 199].

Таким образом, можно сделать вывод, что Е. М. Верещагин и В. Г. Костомаров характеризуют реалии как лексику, содержащую фоновую информацию. Согласно В.С. Виноградову, содержание фоновой информации охватывает, прежде всего, специфические факты истории и государственного устройства национальной общности, особенности географической среды, характерные предметы материальной культуры прошлого и настоящего, этнографические и фольклорные понятия, одним словом, все то, что в теории перевода обычно именуют реалиями [6, с. 355].

Наибольшее признание среди лингвистов получила классификация С. Влахова и С. Флорина. Общая схема их классификации реалий выглядит следующим образом:

I. Предметное деление.

II. Местное деление (в зависимости от национальной и языковой принадлежности).

III Временное деление (в синхроническом и диахроническом плане, по признаку «знакомости») [7, с. 50].

Остановимся на этой классификации более подробно.

ПРЕДМЕТНОЕ ДЕЛЕНИЕ

А. Географические реалии:

1. Названия объектов физической географии, в том числе и метеорологии: *степь, торнадо*;
2. Названия географических объектов, связанных с человеческой деятельностью: *польдер, арык*;
3. Названия эндемиков: *киви, секвойя* [там же, с. 51].

Б. Этнографические реалии:

К группе этнографических реалий С. Влахов и С. Флорин относят большинство слов, обозначающих те понятия, которые действительно принадлежат науке, «изучающей быт и культуру народов, формы материальной культуры, обычаи, религию, духовную культуру» [там же, с. 52];

1. Быт:

а) Пища, напитки и т. п.: *баница, кумыс*; бытовые заведения (общественного питания и др.): *таверна, бистро*;

б) Одежда (включая обувь, головные уборы и пр.): *кимono, чалма*; украшения, уборы: *кокошник, фибула*;

в) Жилье, мебель, посуда и др. утварь: *юрта, ибрик*;

г) Транспорт (средства и «водители»): *нарты, гондольер*;

д) Другие: *саквы, ароматные палочки*.

2. Труд:

а) Люди труда: *фермер, дхоби*;

б) Орудие труда: *кетмень, лассо*;

в) Организация труда (включая хозяйство и т. п.): *агрокомплекс, гильдия* [там же, с. 53];

3. Искусство и культура:

- а) Музыка и танцы: *краковяк, блюз*;
- б) Музыкальные инструменты и др.: *гусли, банджо*;
- в) Фольклор: *сага, богатырь*, (исследователи отмечают, что фольклорные понятия тесно связаны с мифологическими);
- г) Театр: *кабуки, хэппенинг*;
- д) Другие искусства и предметы искусств: *икэбана, маконда*;
- е) Исполнители: *миннезингер, скальд*;
- ж) Обычаи, ритуалы: *коляда, масленица*;
- з) Праздники, игры: *холи, городки*;
- и) Мифология: *эльф, ковер-самолет*;
- к) Культы — служители и последователи: *лама, шаман*; культовые здания и предметы: *мечеть, распятие*;
- л) Календарь: *червень, бабье лето*.

4. Этнические объекты:

- а) Этнонимы: *гуцул, казах*;
- б) Клички (обычно шуточные или обидные): *шваб, хохол*;
- в) Названия лиц по месту жительства: *тарасконец, канак* [там же, с. 54];

5. Меры и деньги:

- а) Единицы мер: *аршин, акр*;
- б) Денежные единицы: *франк, песо*;
- в) Просторечные названия тех и других: *целковый, полушка*.

В. Общественно-политические реалии

1. Административно-территориальное устройство:

- а) Административно-территориальные единицы: *графство, кантон*;
- б) Населенные пункты: *аул, хутор*;
- в) Детали населенного пункта: *медина, чаршия*.

2. Органы и носители власти:

- а) Органы власти: *Народное собрание, рада*;
- б) Носители власти: *хан, фараон* [там же, с. 55];

3. Общественно-политическая жизнь:

- а) Политическая деятельность и деятели: *большевики, троцкисты*;
- б) Патриотические и общественные движения (и их деятели): *партизаны, Красный Полумесяц*;
- в) Социальные явления и движения (и их представители): *нэп, лоббист*;
- г) Звания, степени, титулы, обращения: *князь, статский советник*;
- д) Учреждения: *загс, комитет искусства и культуры*;
- е) Учебные заведения и культурные учреждения: *лицей, аула*;
- ж) Сословия и касты (и их члены): *дворянство, барин*;
- з) Сословные знаки и символы: *белая лилия, полумесяц*.

4. Военные реалии:

- а) Подразделения: *легион, когорта*;
- б) Оружие: *арбалет, финка*;
- в) Обмундирование: *шлем, кольчуга*;
- г) Военнослужащие (и командиры): *гардемарин, янычар*[там же, с. 56].

МЕСТНОЕ ДЕЛЕНИЕ

Классификация «по месту» составлена с учетом двух взаимообусловленных критериев: национальной принадлежности обозначаемого реалией объекта — ее референта — и участвующих в переводе языков[там же, с. 57].

А. В плоскости одного языка:

1. Свои реалии — это большей частью исконные слова данного языка[там же, с. 58]:

а) Национальные реалии — объекты, принадлежащие данному народу, данной нации, но чужие за пределами страны. Яркими национальными реалиями в русском языке можно считать следующие: *опричник, комсомолец*[там же, с. 59].

б) Локальные реалии (другое название — «местные» или «областные»), в отличие от национальных, принадлежат не языку соответствующего народа, а либо диалекту, его наречию, либо языку менее значительной социальной

группы. С другой стороны, будучи диалектизмами, они обозначают и специфические для данной области объекты или отношение к ним, обладая поэтому признаками типичных реалий. Примером может послужить украинское слово «*кобзарь*» [там же, с. 60].

в) Микролокальные реалии, сфера употребления которых ограничена только одним городом или селом. Так, например, жители Софии нередко используют эвфемизм — «*четвертый километр*» — в смысле сумасшедшего дома или, в том же значении, «*Карлуково*» (в 4 км от Софии и близ села Карлуково находятся крупные психиатрические больницы) [там же, с. 63].

2. Чужие реалии представляют собой заимствования (т. е. слова иноязычного происхождения, вошедшие в словарный состав языка), кальки (т.е. поморфемные или пословные переводы наименований чужих для данного народа объектов), а также транскрибированные реалии другого языка, часто своего рода окказионализмы или неологизмы [там же, с. 58]. Они делятся на:

а) Интернациональные – это реалии, которые фигурируют в лексике многих языков и вошли в соответствующие словари и обычно сохраняют вместе с тем исходную национальную окраску. Особенностью интернациональных реалий является то, что их содержание может отличаться от первоначального: например, *ковбой* (англ. *cowboy*) - «пастух» превратился в «бесстрашного» авантюриста, «героя» американских вестернов и приключенческих фильмов [там же, с. 61].

б) Региональные – те, которые перешагнули границы одной страны или распространились среди нескольких народов (необязательно соседних), обычно с референтом, являясь, таким образом, составной частью лексики нескольких языков. Региональными реалиями можно считать советизмы, являющиеся реалиями не только для бывших советских народов, но и для большинства народов бывших социалистических стран, например, *ударник*, *смотр художественной самодеятельности*, *агитпункт* и пр. [там же, с. 62].

Б. В плоскости пары языков (реалии рассматриваются главным образом с точки зрения перевода):

1. Внешние реалии – одинаково чужды обоим языкам. Например, *фиорд* - внешняя реалия для русского, английского или любого другого, за исключением норвежского языка.
2. Внутренние реалии – слова, принадлежащие одному из пары языков, и, следовательно, чужие для другого. Если *фиорд* — внешняя реалия для русского и болгарского языков, для пары русского — норвежского или болгарского — норвежского она будет внутренней [там же, с. 59].

ВРЕМЕННОЕ ДЕЛЕНИЕ

На основе временного критерия все реалии можно условно разделить на:

А. Современные

Б. Исторические – в зависимости от степени освоенности делятся на:

1. Знакомые (словарные);
2. Незнакомые (внесловарные) [там же, с. 77].

Тесно связаны с историческими модные и эпизодические реалии. Модные реалии в течение некоторого времени завладевают вниманием широких кругов общества, в первую очередь молодежи, и обычно скоро забываются. Эпизодические реалии авторы и переводчики вводят в зависимости от требований контекста однократно или несколько раз, но они не получают распространения, не закрепляются в языке [там же, с. 78-79].

Таким образом, предложенная болгарскими учеными классификация основывается на нескольких принципах. С. Влахов и С. Флорин принимают во внимание не только тематический принцип, но и принцип местного деления (в плоскости одного или нескольких языков), а также принципы временного деления. Данные исследователи не причисляют имена собственные к реалиям и выделяют их как самостоятельный разряд безэквивалентной лексики, поскольку именам собственным свойственны свои признаки и приемы передачи при переводе.

В. С. Виноградов внес некоторые поправки в предметную классификацию, предложенную С. Влаховым и С. Флориным, и расширил ее за счет ономастических и ассоциативных реалий. На основе латиноамериканского материала этот ученый выделяет следующие группы реалий:

1. Бытовые реалии:

а) Жилище, имущество: *ранчо* (1. Хижина из пальмовых листьев или соломы; 2. Ферма, усадьба), *тинаха* (большой глиняный кувшин)[6, с. 104];

б) Одежда, уборы: *пончо* (накидка, плащ с прорезью для головы), *ярэй, ярей* (крестьянская шляпа из волокон пальмы ярэй — Куба);

в) Пища, напитки: *масаморра* (блюдо из маиса), *сангрия* (напиток из воды, красного вина и сахара);

г) Виды труда и занятия: *родео* (сгон скота)[там же, с. 105];

д) Денежные знаки, единицы меры: *песо* (основная денежная единица многих латиноамериканских стран), *лига* (старинная мера расстояний, имеющая в различных странах Латинской Америки разные величины);

е) Музыкальные инструменты, народные танцы и песни, исполнители: *рондадор* (эквадорский музыкальный инструмент из тростника), *лунду* (бразильский танец и песня африканского происхождения);

ж) Народные праздники, игры: *родео* (праздник скотоводов, на котором состязаются в бросании лассо, укрощение диких лошадей и т.п.), *петека* (игра в мяч обтянутыми кожей ракетками — Бразилия);

з) Обращения: *нинья* (госпожа, хозяйка), *амито* (хозяин) и т. п.[там же, с. 106].

2. Этнографические и мифологические реалии:

а) Этнические и социальные общности и их представители: *инки, майя* и др.;

б) Божества, сказочные существа, легендарные места: *уака* (божества, духи предков у индейцев Андского нагорья), *рок* (сказочная птица) и т. п.

3. Реалии мира природы:

- а) Животные: *анаконда, алькатраси* т.д.;
- б) Растения: *манго, фарагуаи* др. [там же, с. 107];
- в) Ландшафт, пейзаж: *пампа* (аргентинская и уругвайская степь), *манигуаль* (тропические заросли) и т. п.

4. Реалии государственно-административного устройства и общественной жизни (актуальные и исторические):

а) Административные единицы и государственные институты: *фрегезия* (церковно-административное деление — Бразилия), *Кабильдо* (городской совет) и др.;

б) Общественные организации, партии и т.п., их функционеры и участники: *гремиио* (профсоюзы — Аргентина, Уругвай и др) и др.;

в) Промышленные и аграрные предприятия, торговые заведения: *инхенио* (сахарный завод с плантацией) и т. п.;

г) Основные воинские и полицейские подразделения и чины: *сегурналь* (служба национальной безопасности в Венесуэле), *карабинер* (полицейский — Чили) и др.;

д) Гражданские должности и профессии, титулы и звания: *гуахиро* (крестьянин — Куба), *коррихидор* (сельский староста — Перу [там же, с. 108]).

5. Ономастические реалии:

а) Антропонимы. В этой группе различаются как общие имена и фамилии (*Педро, Каролина*), так и индивидуальные имена и фамилии, называющие известных общественных деятелей, военачальников, литераторов, художников, артистов, спортсменов и других знаменитостей.

б) Топонимы. В неоднородном составе топонимов любого языка целесообразно выделить две группы: обычные и мемориативные топонимы, содержащие в себе кроме указания на геообъект дополнительную смысловую информацию (например: мексиканский городок *Долорес* прославился тем, что в нем была провозглашена в 1810 г. независимость Мексики) [там же, с. 109].

в) Имена литературных героев. В художественных текстах постоянно встречаются упоминания о персонажах других произведений литературы и даже те из имен, что не стали нарицательными, приобретают оценочные потенции, поскольку путем сравнения или намека ими характеризуются различные литературные персонажи;

г) Названия компаний, музеев, театров, ресторанов, магазинов, пляжей, аэропортов, которые содержат определенные страноведческие сведения. Например: *Солис* (театр в Монтевидео).

б. Ассоциативные реалии:

а) Вегетативные символы (Мадронья – поэтический символ Мадрида) [там же, с. 110];

б) Анималистские символы (*Кабуре* – хищная птица, перья которой, согласно поверью, обладают магической силой);

в) Цветовая символика (*Зеленый* – цвет надежды, символ будущего в Чили);

г) Фольклорные, исторические и литературно-книжные аллюзии. В них содержатся указания на образ жизни, поведение, черты характера, деяния исторических, фольклорных и литературных героев, на исторические события, на мифы, предания и т.п. [там же, с. 111];

д) Языковые аллюзии. Они обычно содержат намек на какой-либо фразеологизм, пословицу, поговорку, крылатую фразу или анекдот [там же, с. 112].

Представленный обзор различных классификаций показывает, что видов реалий столько, сколько сфер человеческой жизни. Наиболее полной и ёмкой, на наш взгляд, является классификация болгарских лингвистов С. Влахова и С. Флорина, в нашем исследовании мы будем придерживаться в первую очередь данной классификации.

3. Роль слов-реалий в создании культурного фона художественного произведения

Художественная литература обладает ярко выраженной национальной окраской содержания и формы, при этом одним из лексических средств выражения национального и исторического своеобразия художественного произведения являются реалии [42, с. 30].

Лексика художественного произведения является источником сведений о культуре, традициях, истории народа, на языке которого написано произведение, следовательно, художественный текст можно рассматривать как «центральное звено», связывающее язык и культуру [13, с. 505]. В связи с этим реалии приобретают особое значение, так как они выражают понятия, характерные лишь для определенного народа. Прибегая к ним в литературном произведении, автор стремится, с одной стороны, к точному воссозданию мира материальной действительности, с другой – к более яркому представлению художественных образов через бытовую среду [42, с. 30-31].

Поскольку реалии создают в литературном произведении колорит места и времени, отражают материальную обстановку и социальные условия жизни народа на определенном историческом этапе развития, можно говорить о том, что реалии несут определенную смысловую и стилистическую нагрузку в литературном произведении [там же, с. 31].

Представитель Воронежской школы перевода Н. А. Фененко предлагает свою классификацию функций реалий в рамках задач эстетики художественного текста:

1. Функция воссоздания местного (национального) колорита

Важнейшей типологической характеристикой, указывающей на этнографическую природу реалии, на её связь с различными формами материальной и духовной культуры народа является национальная принадлежность. Вследствие этого национальные реалии используются в художественном произведении с целью воссоздания этнографических особенностей быта. Особенно ярко локальная отнесенность проявляется в

реалиях-локализмах, отражающих уникальную культуру и историю того или иного региона страны [34, с. 154].

2. Функция воссоздания исторического колорита

Темпоральная отнесённость реалии тесно связана с фактором времени, который является существенным элементом языковой картины мира. Это важнейшая характеристика реалий, отражающая закреплённый в них временной (историко-культурный) период, она делает реалию знаком своей эпохи [там же, с. 157].

Эпоха, в которую создавалось литературное произведение, накладывает свой отпечаток на художественные образы и в плоскости их предметного содержания, и в плоскости их языкового оформления [42, с. 30].

Некоторые реалии теряют актуальное значение вследствие своей временной удаленности даже в той лингвокультуре, которой они принадлежат, их называют мертвыми реалиями или историзмами. Сфера их употребления ограничивается исторической художественной литературой или профессиональной научной коммуникацией [34, с. 157].

3. Символьная функция

Реалия, выполняющая в художественном тексте символьную функцию, может стать ключевым образом произведения, который объединяет вокруг себя другие лейтмотивные слова-образы. Находясь между собой в сложных соотношениях, символические значения образуют систему, посредством которой автор создаёт детальную картину окружающей его реальной либо вымышленной действительности [там же, с. 162].

При этом Н. А. Фененко отводит особую роль при создании неповторимых литературных образов реалиям-окказионализмам. Их особенность заключается в том, что они теряют вне контекста то значение, которым обладали в составе единого комплекса реалий конкретного художественного текста [там же, с. 163].

4. Ассоциативная функция

Взаимодействие реалии с глубинными пластами народной культуры позволяет использовать её в качестве основы реминисценций в художественном тексте.

Реминисценции «как намёки на возможные значения» осуществляют связь с предшествующим языковым опытом человека в целом – поэтическим, прозаическим, научным, социальным, историческим и т. д. и являются формой переплетения «своей» и «чужой» речи. [там же, с. 165]. Они являются признаком существования интертекстуального пространства [58, с. 278].

Принимая во внимание тот факт, что подобные реалии употребляются в конкретном контексте и отражают определённый отрезок действительности с помощью аллюзий, иносказаний и намеков, некоторые лингвисты предлагают называть их «ситуативными реалиями» [7, с. 202].

5. Функция маркера чужой культуры

В текстах, являющихся фрагментами чужой языковой картины мира, реалии выступают как элементы чужой действительности. В таком случае отдельное внимание уделяется таким характеристикам реалии, как степень её известности в принимающей культуре и уровень её освоенности языком-реципиентом, частотность её использования в данном тексте и роль, которая отводится ей в создании эстетической экспрессивности литературного произведения [34, с. 166-167].

Н. А. Фененко приходит к заключению, что совокупность реалий в контексте художественного произведения выполняет единую содержательно-эстетическую задачу и фактически представляет собой «своеобразный интенционально-содержательный комплекс, отражающий индивидуально-авторское представление об описываемой действительности» [там же, с. 169].

Е. М. Масленникова отмечает особую важность топонимов (названий географических объектов) в литературном произведении: система существующих топонимов или топонимов, относящихся исключительно к вымышленной действительности, обеспечивает «организацию

пространственного кода художественного текста и его культурного пространства» [15, с. 245].

Согласно Е. М. Масленниковой, топонимы в художественном тексте выполняют ряд функций:

1) составляют пространственный код культуры, реализуемый через систему географических координат реального объективного мира;

2) поддерживают иллюзию реальности вымышленного мира, созданного автором;

3) содействуют закреплению и последующей актуализации определенных «маркеров», социально-значимых для определенного лингвокультурного сообщества.

4) указывают на универсальные прецедентные феномены, артефакты, стереотипы-образы и стереотипы-ситуации;

5) участвуют в формировании экстралингвистического фона текста, отражая национально-специфические компоненты культуры;

6) выступают в качестве носителей исторического колорита.

Таким образом, Е. М. Масленникова делает вывод, что топонимы несут фоновую информацию, без знания которой невозможно составить представление о национально-специфических особенностях инокультурной среды, воплощенной в художественном тексте [там же, с. 246].

Передача реалий как ключевого массива этнокультурных маркеров художественного произведения имеет большое значение для теории и практики перевода, поскольку сам художественный текст выступает в качестве фрагмента национально-культурной картины мира лингвокультурной общности [57, с.126].

Разнообразные элементы культуры, используемые в художественных произведениях для придания им национально-специфической окраски, могут быть совершенно незнакомы и непонятны носителям внешних культур. Это вызывает проблемы перехода с одного национального кода на другой. Чем

более подлинник наполнен внутрикультурным содержанием, тем сложнее создать тождественный перевод [49].

Проблема сохранения национального и исторического колорита оригинала неоднократно рассматривалась учеными-переводоведами. Важность сохранения национальной и исторической специфики подлинника была подтверждена в многочисленных публикациях отечественных и зарубежных ученых [Морозов (1956), Андрее (1965), Федоров (1983, 2002), Россельс (1967), Кашкин (1968), Левый (1974), Влахов, Флорин (1986) и др.] [41, с.31].

Специфичность вопроса о передаче национального своеобразия оригинала обусловлена тем, что именно художественная литература отражает в образах определенную действительность, связанную с жизнью конкретного народа, чей язык и служит основой для воплощения образов. Необходимость сохранения национального своеобразия подлинника предполагает функционально верное восприятие и передачу целого сочетания элементов. По этой причине национальная окраска текста не может быть сведена к какой-либо отдельной формальной особенности произведения, в том числе и к лингвокультурным реалиям, ведь национальная окраска всегда затрагивает целую совокупность черт художественного произведения, целое сочетание особенностей, хотя некоторые из них могут быть более ярко выражены, чем другие [32, с. 381].

Также следует учитывать, что национальная окраска (национальный колорит) представляет собой конкретную характеристику текста, которая проявляется как в образах, непосредственно отражающих материальную обстановку и социальные условия жизни народа (в характере и поступках действующих лиц), так и в его насыщенности идиоматикой в широком смысле слова. Ввиду этого исследовать проблему национального колорита можно только исходя из «органического единства, образуемого содержанием и формой литературного произведения в его национальной обусловленности, в его связи с жизнью народа, которую оно отражает в образах, и с языком

народа, воплощающим эти образы, придающим им специфические оттенки» [там же, с. 380].

В заключение отметим, что для нашего исследования мы выбрали роман «Мастера и Маргарита» и повесть «Собачье сердце» М. А. Булгакова. Наш выбор обусловлен тем, что в данных произведениях черты национального и исторического своеобразия выражены особенно ярко, они являются источником большого количества культурно-маркированных лексических единиц, отражающих, в частности, особенности советской и российской действительности.

Глава II. Особенности передачи русских реалий в немецких переводах романа М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита» и повести «Собачье сердце»

2.1. Лингвокультурологический контекст произведений М. А. Булгакова

М. А. Булгаков начал свою литературную деятельность в 20-е годы XX века. На характер его творчества (тематика, система образов, способы отражения действительности в произведениях) во многом оказали политические события того времени.

Октябрьская революция и последовавшая за ней гражданская война знаменовала собой новый этап в духовной жизни российской интеллигенции. Их переломное значение, характеризующееся кризисным состоянием мира и личности, столкновением идеологических и философских теорий отразилось и в творчестве М. Булгакова [20, с. 5].

Одной из центральных тем в литературе в годы революции и гражданской войны становится судьба интеллигенции [там же, с. 39]. Данная тематика была затронута в том числе в произведениях М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита» и «Собачье сердце». Остановимся более подробно на истории создания этих произведений.

Местом действия этих произведения выбрана Москва, и это неслучайно. Осенью 1921 года М. Булгаков, тогда еще начинающий писатель и драматург, навсегда переезжает в Москву и всё его последующее творчество во многом связано именно с этим городом [18, с. 13]. Рассказывая о героях и событиях, Булгаков с топографической точностью описывал те места, которые прекрасно знал, где жил и работал он сам, его родственники, его друзья, а, бывало, и враги [там же, с.12].

Роман «Мастер и Маргарита» создавался писателем с 1928 года до конца жизни, но так и не был полностью завершен. Больной писатель диктовал главы и вставки, правил уже написанное, не поднимаясь с постели. Ему удалось сделать только половину задуманного, а редактирование и

сведение воедино черновых записей осуществила после смерти мужа Елена Сергеевна Булгакова.

Этот роман со всеми историко-биографическими и литературно-топографическими прототипами представляет собой значительную часть московской биографии М. Булгакова конца 1920–1930-х годов. Задуманный вначале как философско-фантастическое произведение, описывающее приключение дьявольской шайки в Москве, роман постепенно перерос свои первоначальные рамки: изменялись сюжетные линии, были введены новые герои, усложнившие его содержание.

Первые упоминания о романе биографы относят к концу 1928 года, а начало написания к зиме-весне 1929 года. В мае этого года Булгаков представляет в издательство «Недра» для публикации в одноименном альманахе главу из романа, названную «Мания фурибунда» (мания ярости), от которой до нас дошли только фрагменты. Созданная через год первая черновая редакция всего романа, носившая название «Копыто инженера», была уничтожена автором в марте 1930 года.

В 1931 году Булгаков вернулся к роману и сделал черновые наброски к новой редакции (1931-1936 годов). В 1932-1933 годах писатель начал создавать фабульно завершённый текст этой редакции, оконченной в 1934 году, но до лета 1936 года туда вписывались обширные вставки со сплошной перепиской отдельных глав. Вторая редакция имела подзаголовки «Фантастический роман» и много вариантов названия: «Великий канцлер», «Сатана», «Вот и я», «Шляпа с пером», «Чёрный богослов», «Подкова иностранца», «Он появился», «Пришествие», «Чёрный маг», «Копыто консультанта» и другие, но ни на одном из них Булгаков не остановился [там же, 93].

Третья по счёту и последняя прижизненная редакция романа создавалась в 1936-1938 годах. В ней появилось известное название романа, состоял этот вариант редакции из 30 глав. С конца мая и до июня 1938 года третья редакция перепечатывалась также с переделкой текста. Авторская

правка машинописного варианта началась в сентябре того же года и продолжалась до самой смерти писателя. Отдельные главы при этом переписывались, делались значительные вставки, был написан эпилог романа. Эта правка была прекращена 13 февраля 1940 года на середине 19-й главы.

После смерти мужа Е. С. Булгакова неоднократно перепечатывала этот роман, руководствуясь позднейшими указаниями автора, его устными замечаниями и правкой. При подготовке первого полного издания, опубликованного в СССР в 1973 году, редакторами издательства «Художественная литература» была проделана большая текстологическая работа; они на долгое время закрепили этот текст, сделав его своего рода каноническим, переиздаваемым многократно и введенным в научный литературоведческий оборот [там же, 94].

Повесть Булгакова «Собачье сердце», имеющая подзаголовок «Чудовищная история», также не публиковалась при жизни писателя. Впервые она была напечатана за границей в 1968 г. («Студент». Лондон. № 9, 10; «Грани». Франкфурт. № 69). В СССР она была издана в журнале «Знамя» (№ 6) лишь в 1987 г. На рукописи стоит авторская дата: январь-март 1925 года. Предназначалась повесть для журнала «Недра», где ранее были опубликованы «Дьяволиада» и «Роковые яйца». Редактор «Недр» Николай Семенович Ангарский (Клестов) (1873-1941) торопил Булгакова с написанием повести, рассчитывая, что она будет иметь не меньший успех среди читающей публики, чем «Роковые яйца». Однако в стране начиналось постепенное ужесточение цензуры по мере укрепления власти И. В. Сталина, и советские критики не допустили повесть к печати, назвав её «антисоветским памфлетом» [27, с.444-445].

7 мая 1926 года в рамках санкционированной ЦК кампании по борьбе со «сменовеховством» на квартире у Булгакова был произведен обыск и конфискованы рукопись дневника писателя и два экземпляра машинописи «Собачьего сердца». Лишь спустя три с лишним года конфискованное при

обыске было возвращено автору благодаря содействию Максима Горького [там же, с.446].

Обсуждая характер эпохи, отраженной в повести «Собачье сердце», стоит принять во внимание тот факт, что на рубеже XIX-XX веков был совершен целый ряд открытий в области естественных наук. В контексте наших рассуждений особого внимания заслуживают открытия Ивана Петровича Павлова. Как отмечает польская исследовательница творчества М. Булгакова Анна Худзиньска-Паркосадзе, они могли послужить источником замысла сюжета для «Собачьего сердца». Павлов, разрабатывая механизм действия условных рефлексов, пришел к заключению, что в основе психической деятельности лежат материальные физиологические процессы, происходящие в коре головного мозга. При этом учёный вел свои наблюдения в основном за собакой, но полученные данные отнес также и к психике человека, ставя его тем самым в один ряд с животным. По мнению польского булгаковеда, эти открытия вряд ли могли остаться без внимания самого Булгакова, который живо интересовался происходящими в мире переменами [40, с.163-164].

Рассмотрим некоторые явления советской и, в частности, московской действительности, которые нашли отражение в произведениях «Мастер и Маргарита» и «Собачье сердце».

Москва предстает в этих произведениях опутанная не только сетями могущественных следственных органов, но и десятков других структур, в которых проступают черты реальных учреждений современной писателю столицы, причем смысл их деятельности с точки зрения логики кажется абсурдным. Так в романе «Мастер и Маргарита» странными функциями наделен «Интурист», решающий, например, где должен ночевать иностранец [4, с.260].

В обоих произведениях упоминаются домкомы (домовые комитеты). Как органы самоуправления они возникают уже в 1917 г., а в 1920-1930-е гг. домком существовал уже в каждом доме, во главе его стоял

председатель. В функции председателя домоуправления входила слежка за жильцами, выписка и прописка, уплотнение квартир и т. д. Как «малая власть» члены домкома были неперенными участниками «воспитательных бесед» с «бывшими» и арестов жильцов. Постоянные тяготы Булгакова с жильём вызвали у писателя ненависть к домкомам, отразившуюся во многих его произведениях. Никанору Босому в «Мастере и Маргарите» и Швондеру в «Собачьем сердце» были приданы отталкивающие черты взяточников и доносчиков [там же, с.268].

На страницах произведений М. Булгакова нашла свое отражение и шпиономания, характерная черта сталинской эпохи 1920–1930-х гг. Шпионом или «деникинским офицером» оказывался едва ли не каждый встречный, а тем более иностранец. Истолковывать любые неприятности как вредительство и шпионаж было привычно для унифицированного сознания обывателя, это было повсеместным явлением в те времена [там же, с.179-180].

Эмигрант также воспринимался как потенциальный шпион, в массовой психологии эпохи он относился к числу чужаков, врагов советского народа [там же, с.180] В эмиграции оказались многие участники белого движения после его разгрома. В сталинскую эпоху в советской России слово «белогвардеец» стало политическим ярлыком, означавшим принадлежность к враждебному большевистской идеологии классу [там же, с. 252].

Название первой главы романа «Мастер и Маргарита» также «Никогда не разговаривайте с неизвестными» в определенной степени отражает негласный этикет поведения человека сталинской эпохи, для которой были характерны шпиономания и враждебное отношение к бывшим дворянам, белогвардейцам и т. д., и в дальнейшем – к классовым врагам. Общение с ними было опасным по своим последствиям и преследовалось советской «тайной полицией» [там же, с.143].

Еще одной из наиболее острых социальных проблем послереволюционного времени являлся «квартирный вопрос», особенно в Москве. На душу населения в 1928-1929 гг. приходилось около 5,5 кв. м

площади. Стремление расширить жилплощадь, а тем более получить отдельную квартиру часто приводило обитателей коммуналок далеко не к безобидным действиям: вредительству, доносам на соседей (после которых сосед мог бесследно исчезнуть), скандалам и судебным тяжбам. В «Мастере и Маргарите» раскрываются разные аспекты этой проблемы: в тексте упоминаются домоуправы, жилтоварищества, Дом Драмлита, коммуналки, доносительства (Алозий Могарыч пишет на Мастера донос и завладевает его подвальчиком) [там же, с. 280-281]. Данная проблема затрагивается и в повести «Собачье сердце» – Шариков, стремясь решить пресловутый «квартирный вопрос», в духе времени пишет донос на профессора Преображенского [20, с. 112].

Таким образом, можно сделать вывод, что «Мастер и Маргарита» и «Собачье сердце» – это произведения не только философские и фантастические, но и остросатирические, причем сатира Булгакова носит политический характер. В его творчестве нашли отражение многие экономические и этические проблемы современного ему общества, в этом заключалась причина неприятия Булгакова официальной советской критикой и коммунистической властью, со второй половины 20-х годов в Советском Союзе перестали печатать его произведения [27, с. 8].

Новый язык, появившийся после революции, для М. Булгакова стал объектом сатиры наряду с другими сторонами жизни советского общества. Советский язык писатель не принял так же, как и новую власть, критическое отношение к которой у него возникло с самого начала.

Можно говорить о том, что Булгаков включил советизмы в свою эстетическую систему, сделал их средством изображения жизни советского общества. Советизмы используются им в качестве средства описания многочисленных явлений, связанных с новым бытом, работой учреждений, общественными изменениями, обликом Москвы [24, с. 893-894].

Поскольку М. А. Булгаков в своих произведениях нередко прибегает к таким приемам, как «пародия», «сатира», «ирония», приведем их краткую

характеристику. В настоящее время в литературоведении существуют различные взгляды на определение этих понятий, мы будем опираться на работы современных исследователей М. В. Покоотьло, Э. М. Хабибьяровой и Г. И. Лушниковой.

Как отмечает М. В. Покоотьло, в современном литературоведении наиболее распространено понимание сатиры как «специфического способа художественного восприятия действительности, раскрывающего её как нечто превратное, несообразное, внутренне несостоятельное (содержательный аспект) посредством смеховых, обличительно-осмеивающих образов (формальный аспект)». Мировой литературный процесс свидетельствует о сложных и изменчивых видах сатиры, охватывающей все виды и жанры. В качестве примера сатирических жанров можно привести фельетон, басню, комедию, памфлет и др. Если сатирические мотивы реализованы в несатирических произведениях, они служат решению сложных художественных задач. Особый колорит, который приобретает такое произведение, возникает как результат взаимодействия сатирических элементов (персонажей диалогов, ситуаций, стиля) и основных составляющих художественного мира [21, с.10].

Э. М. Хабибьярова, анализируя восприятие иронии как эстетической категории в разные эпохи, приходит к выводу, что обращение к иронии в художественном творчестве обусловлено определенной степенью эволюции общественного сознания и внутренними закономерностями литературного развития. В этом случае иронией называется такое восприятие некой непоследовательности, в котором из контекста отчетливо прослеживается утверждение, оттеняющее совершенно иной смысл описанного события. Отличительный признак иронии – двойной смысл: истинно – не прямо высказанное в произведении, а противоположное ему, подразумеваемое. Ирония нуждается в механизме, который создавал бы представление о двойственности, выделяющей противоречие между высказанным в

произведении и подразумеваемым: чем больше противоречие между ними, тем сильнее ирония [36, с.8].

Г. И. Лушникова выделяет следующие особенности литературной пародии: она представляет собой когнитивную метафору пародийного объекта в том смысле, что она преобразует прототекст, репрезентируя его ведущие черты в критически-комическом свете. Пародия дает новый взгляд, новое видение пародируемого текста, она подразумевает сравнение пародирующего и пародируемого, в результате которого создается комический образ протекста.

Поскольку литературная пародия соотносится не только с пародируемым текстом, но и с его культурно-историческим фоном, она должна рассматриваться с учетом культурно-исторического контекста, который меняется во времени и пространстве [14, с.10].

Для Булгакова характерна пародийная направленность в изображении разных явлений советского языка. В качестве примера можно привести наименования различных форм организации жизни послереволюционного времени. Например, в романе Мастер и Маргарита описывается разветвлённая сеть организации «Комиссия зрелищ и увеселений облегченного типа», также называемая «Зрелищная комиссия» или «финзрелищный сектор» [24, с.899]. По всей видимости, её прототипом послужил Главрепертком (Главный репертуарный комитет по контролю за репертуаром при Народном Комиссариате по просвещению РСФСР) [4, с. 260].

Пародией на организацию советских писателей в романе «Мастер и Маргарита» стал возглавляемый Михаилом Александровичем Берлиозом МАССОЛИТ. Расшифровки этой аббревиатуры в тексте «Мастера и Маргариты» нет, однако в качестве наиболее вероятных различными исследователями предлагается «Мастера (или Мастерская) социалистической литературы», по аналогии с существовавшим в 20-е годы объединением драматургов МАСТКОМДРАМ (Мастерская коммунистической драмы)[27, с.

118], или «Московская ассоциация литераторов», или, наконец, просто «Массовая литература» [4, с.150].

Дом Грибоедова в романе «Мастер и Маргарита» – это здание, где помещается МАССОЛИТ, крупнейшая литературная организация Москвы и СССР. Здесь Булгаков запечатлел так называемый Дом Герцена (Тверской бульвар, 25), где в 20-е годы размещался ряд литературных организаций, в частности РАПП (Российская ассоциация пролетарских писателей) и МАПП (Московская ассоциация пролетарских писателей), по образцу которых и создан вымышленный МАССОЛИТ. Дом Герцена пародийно уподоблен Дому Грибоедова, поскольку фамилия известного драматурга Александра Сергеевича Грибоедова «гастрономическая» и указывает на главную страсть членов МАССОЛИТа – стремление хорошо поесть [27, с. 199].

Источником комического у Булгакова становятся новые речевые жанры послереволюционной эпохи – лозунги, плакаты, призывы, вывески, объявления [24, с. 900]. С иронией писатель описывает, например, надписи на дверях кабинетов в Доме Грибоедова, поскольку в писательском доме отсутствует библиотека, однако располагается множество отделений, связанных исключительно с отдыхом и развлечениями: «Рыбно-дачная секция», «Однодневная творческая путевка. Обращаться к М. В. Подложной», «Запись в очередь на бумагу у Поклевкиной», «Личные расчеты скетчистов», «Полнообъемные творческие отпуска от двух недель (рассказ-новелла) до одного года (роман, трилогия). Ялта, Суук-Су, Боровое, Цихисдзири, Махинджаури, Ленинград (Зимний дворец)» и т. д. [78, с.72-73].

Кроме того, автор с иронией относится к новомодной практике называть детей именами, образованными от названий технических изобретений, государственных праздников и институций – так, к примеру, имя и отчество Шарикова – Полиграф Полиграфович – по всей вероятности, происходит от названия оборудования [22, с.176]. В повести «Собачье сердце» также упоминаются другие имена советского происхождения: Баррикада,

Бибелина (происходит от фамилии Августа Бибеля), Пестелина (происходит от фамилии П. И. Пестеля).

Особо следует обратить внимание на способ освоения нового языка героями Булгакова [24, с.899]. Шариков в Собачьем сердце осваивает «язык революции» сначала по отдельным элементам, в частности, вывескам: «Вечером произнес 8 раз подряд слово „Абырвалг”» [79, с. 26], словам канцелярской сферы: «документ», «прописка», «домком», «учетная карточка» и др.; затем – готовым блокам: городским клише «Мест нету», «Слезай с подножки», «Вечерняя Москва» [там же, с. 27] и, наконец, канцелярским клише: «Помилуйте, как же без документа? Это уж извиняюсь. Сами знаете, человеку без документов строго воспрещается существовать» [там же, с. 32]; «Известно что – прописать меня. Они говорят: где ж это видно, чтоб человек проживал непрописанный в Москве. Это – раз. А самое главное – учетная карточка. Я дезертиром быть не желаю. Опять же – союз, биржа» [там же, с. 33]; «Завтра я тебе устрою сокращение штатов» [там же, с. 51].

Один из основных принципов изображения нового языка – позиция дистанцирования, непонимания [24, с.896]. Примером этого может послужить реакция профессора Преображенского на пролетарский лексикон Шарикова в повести «Собачье сердце». Профессор не знает и не хочет знать, что «они» понимают под «контрреволюцией»: «Никакой контрреволюции. Кстати, вот еще слово, которое я совершенно не выношу. Абсолютно неизвестно, что под ним скрывается» [79, с. 17].

Таким образом, М. А. Булгаков в произведениях «Собачье сердце» и «Мастер и Маргарита» отразил явления, характерные для советского культурного пространства 20–30-х годов XX века, при этом ему удалось художественно охватить и «исторический перелом, и его изломанное развитие» [38, с. 29]. Кроме того, писатель с предельной полнотой отразил в своих произведениях языковой срез послереволюционной России [24, с. 894]. Для Булгакова, воспринимавшего язык советской власти как нечто чуждое, этот язык является в первую очередь предметом рефлексии, объектом

критической оценки, которая проявляется в иронии и насмешливом пародировании [24, с. 895].

2.2 Тематическая классификация реалий в произведениях М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита» и «Собачье сердце»

В результате проведенного нами исследования в произведениях М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита» и «Собачье сердце» было выявлено в общей сложности 462 лексические единицы, содержащих в своем значении культурный компонент; при этом мы исследовали только те реалии, которые имеют отношение к российской и советской действительности, реалии из «ершалаимских» глав романа «Мастер и Маргарита» в рамках нашего исследования мы не рассматривали. Исходя из конкретного, имеющегося в нашем распоряжении материала, мы отнесли большую часть реалий к следующим тематическим группам: ономастические реалии, общественно-политические и бытовые реалии. Основой для систематизации выявленных слов-реалий послужил тематический принцип, лежащий в основе классификаций реалий, разработанных С. И. Влаховым и С. П. Флориным, В. С. Виноградовым, Г. Д. Томахиным. Рассмотрим выделенные тематические группы слов-реалий более подробно.

I Ономастические реалии – самая многочисленная группа реалий, они составляют 53,76% от общего числа выборки:

1. Географические названия (топонимы). Опираясь на данные Словаря русской ономастической терминологии, мы выделили в этой группе реалий следующие разделы [73, с. 135]:

а) ойконимы – названия любого поселения, в том числе городского типа и сельского типа [там же, с. 93]: *Moskau (Москва), Moskauer / von Moskau (московский), Leningrad (Ленинград), Kronstadt (Кронштадт), Belgorod (Белгород), Jaroslawl (Ярославль), Saratow (Саратов), Woronesch (Воронеж), Wologda (Вологда), Puschkino (Пушкино), die Datschensiedlung der Literaten*

Perelygino (литераторский поселок Перелыгино), *Brjansk* (Брянск), *Kislowodsk* (Кисловодск), *Pensa* (Пенза), *Rostow* (Ростов), *Armawir* (Армавир), *Sotschi* (Сочи), *Sewastopol* (Севастополь), *Jalta* (Ялта), *Zichidsiri* (Цихидзири), *Machindshauri* (Махинджаури), *Kiew* (Киев), *Charkow* (Харьков);

б) хоронимы – названия территорий, имеющих определенные границы: как природно-ландшафтных областей, так и административно-территориальных единиц [там же, с.160]: *der Chamowniki-Bezirk* (Хамовнический район), *Lianosowo* (Луанозово), *der Stadtteil Samoskworetschje* (Замоскворечье), *der Sokolniki-Park* (Сокольники), *die Sperlingsberge* (Воробьевы горы), *der Alexandrowski-Garten* (Александровский сад), *Cholmogory* (Холмогоры), *Solowki* (Соловки) – данный топоним, под которым подразумевается группа Соловецких островов, содержит в себе помимо указания на геообъект фоновую информацию; в сталинскую эпоху там располагался «Соловецкий лагерь особого назначения», где отбывала заключение научная и художественная интеллигенция [4, с.173].

в) урбанонимы – названия любого внутригородского топографического объекта [73, с. 154]: *die kleine Bronnaja-Straße* (Малая Бронная улица), *die Große Nikitskaja oder Herzenstraße* (Большая Никитская или улица Герцена), *der Sadowoje-Ring* (Садовое кольцо), *der Arbat* (Арбат), *die Jermolajewski-Gasse* (Ермолаевский переулок), *die Patriarchengasse* (Патриарший переулок), *die Wagankowski-Gasse* (Ваганьковский переулок), *die Obuchow-Gasse* (Обухов переулок), *die Totengasse* (Мёртвый переулок), *die Brjussowski-Gasse* (Брюсовский переулок), *die Skatertny-Gasse* (Скатерный), *der Kusnetzki* (Кузнецкий), *der Neglinnyj* (Неглинный), *die Sadowaja* (Садовая улица), *die Mjasnitzkaja* (Мясницкая улица), *die Institutskaja-Straße* (Институтская улица), *die Jelochowskaja-Straße* (Елоховская улица), *die Kropotkin-Straße* (улица Кропоткина), *die Mochowaja* (Моховая), *die Twerskaja* (Тверская), *der Ochotnyrjad* (Охотный Ряд), *die Armenhausstraße* (Божедомка), *die Pretschistenka* (Пречистенка), *in der Pretschistenka* (пречистенский), *die Spiridonowka* (Спиридоновка), *die Ostoshenka* (Остоженка), *der Semljanoi-Wal*

(Земляной Вал), *der Boulevardring* (бульварное кольцо), *der Subowski-Boulevard* (Зубовский бульвар), *das Nikitskije-Tor* (Никитские ворота), *der Smolensker Markt*, (Смоленский рынок), *die Sucharewka* (Сухаревка), *von der Sucharewka* (сухаревский), *der Arbat-Platz* (Арбатская площадь), *der Kudrinskaja-Platz* (Кудринская площадь), *das Preobraschenskij-Tor* (Преображенская застава), *das Bolschoj-Theater* (Большой театр), *der Winterpalais* (Зимний дворец), *das Kalabuchowsche Haus* (Калабухов; калабуховский дом), *das Gribojedowhaus / das Gribojedow* (дом Грибоедова / Грибоедов), *die Christuskirche* (храм Христа), *das Jungfrauenkloster* (девичий монастырь), *das Fürst-Wladimir-Denkmal* (памятник князю Владимиру), *das Timirjasew-Denkmal* (Тимирязев).

г) гидронимы – названия любого водного объекта, природного или созданного человеком [там же, с. 46]: *die Patriarchenteiche* (Патриаршие пруды), *die Klaren Teiche* (Чистые пруды), *die Kljasma* (Клязьма), *die Wjatka* (Вятка), *die Moskwa* (Москва-река), *das Schwarze Meer* (Черное море).

2. Антропонимы:

Как и В. С. Виноградов, мы разграничиваем в этом разделе:

а) имена литературных персонажей (из произведений М. Булгакова): *Iwan Nikolajewitsch Besdomny* (Понырев) / *der liebe Iwan*, (Иван Николаевич Бездомный (Понырев) / Иванушка), *Michail Alexandrowitsch Berlioz* / *Mischa* (Михаил Александрович Берлиоз / Миша), *Annischka* (Аннушка), *Kirjuschka* (Кирюшка), *Fjodor Iwanjtsch* (Федор Иваныч), *Beskidnikow* (Бескудников), *Chustow* (Хустов), *Dwibratski* (Двубратский), *Sheldybin* (Желдыбин), *Rjuchin* (Рюхин), *M. W. Podloshnaja* (М. В. Подложная), *Partschewski* (Парчевский), *Selkowa* (Зелькова), *Mstislaw Lawrowitsch* (Мстислав Лаврович), *Latunski* (Латунский), *Ariman* (Ариман), *Nastassja Lukinischna Nepremenowa / Steuermann George* (Настасья Лукинишна Непременова / Штурман Жорж), *Pokljowkina* (Поклевкина), *Sagriwow* (Загризов), *Ieronim Poprichin* (Иероним Поприхин), *Ababkow* (Абабков), *Glucharjow* (Глухарев), *Deniskin* (Денискин), *Quant* (Квант), *Tamara Polumesjaz* (Тамара Полумесяз), *Shukorow* (Жуколов), *Dragunski* (Драгунский), *Tscherdakschi* (Чердакчи), *Semejkina-Gall*

(Семейкина-Галл), *Vitja Kuftik* (Витя Куфтик), *Pavianow* (Павианов), *Bogochulski* (Богохульский), *Sladki* (Сладкий), *Schpitschkin* (Шпичкин), *Adelfin Busdjak*, (Адельфина Буздяк), *Dr. Strawinski* (доктор Стравинский), *Stepan Bogdanowitsch Lichodejew / Stjora* (Степан Богданович Лиходеев / Стёпа), *Grunja* (Груня), *Nikanor Iwanowitsch Bossoi* (Никанор Иванович Босой), *Pelageja Antonowna* (Пелагея Антоновна), *Timofej Kondratjewitsch Kwaszow* (Тимофей Кондратьевич Квасцов), *Karow* (Карпов), *Grigori Danilowitsch Rimski* (Григорий Данилович Римский), *Iwan Saweljewitsch Warenuha* (Иван Савельевич Варенуха), *Miliza Andrejewna Pokobatko* (Милица Андреевна Покобатько), *Praskowja Fjodorowna* (Прасковья Федоровна), *Pantelej* (Пантелей), *Anfissa* (Анфиса), *Wareнка* (Варенька), *Manetschka* (Манечка), *Лапиенникова* (*Lapschonnikowa*), *Aloisi Mogarytsch* (Алоузий Могарыч), *Пролешнев* (*Proleshnew*), *Сергей Герардович Дунчиль* (*Sergej Gerardowitsch Duntschil*), *Ida Herkulanowna Wors* (Ида Геркулановна Ворс), *Sawwa Potarowitsch Kurolessow* (Савва Потапович Куролесов), *Nikolai Kanawkin* (Канавкин Николай), *Klawdija Iljinitchna Porochownikowa* (Клавдия Ильинична Пороховникова), *Wassili Stepanowitsch Lastotschkin* (Василий Степанович Ласточкин), *Karo-As* (Тузбубен), *Prochor Petrowitsch / Proscha* (Прохор Петрович / Проша), *Anna Richardowna* (Анна Ричардовна), *Fanow* (Фанов), *Kossartschuk* (Косарчук), *Maximilian Andrejewitsch Poplawski* (Максимилиан Андреевич Поплавский), *Pjatnashko* (Пятнашко), *Andrej Fokitsch Sokow* (Андрей Фокич Соков), *Bernadski* (Бернадский), *Kusmin* (Кузьмин), *Maria Alexandrowna* (Марья Александровна), *Natascha* (Наташа), *Nikolai Iwanowitsch* (Николай Иванович), *Dussja* (Дуся), *George Bengalski* (Жорж Бенгальский), *Arkadi Apollonowitsch Semplejarow* (Аркадий Аполлонович Семплеяров), *Rawel Ossipowitsch* (Палосич), *Archibald Archibaldowitsch* (Арчибальд Арчибальдович), *Petrakow-Suchowej* (Петраков-Суховой), *Panajew* (Панаев), *Skabitschewski* (Скабичевский), *Xenia Nikitischna* (Ксения Никитишна), *Boba Kandalupski* (Боба Кандалупский), *Antonia Porfirjewna* (Антонида Порфирьевна), *Wetschinkewitsch* (Ветчинкевич),

Korowins (Коровины), Korowkins (Коровкины), Karawajews (Каравяевы), Morpel (Шарик, Шариков), Polygraf Polygrafowitsch (Полиграф Полиграфович), Filipp Filippowitsch Preobrashenskij (Филипп Филиппович Преображенский), Iwan Arnoldowitsch Bormental (Иван Арнольдovich Борменталь), Schwonder (Швондер), Wjasemskaja (Вяземская), Pestruchin (Пеструхин), Шаровкин (Scharowkjan), Peter Alexandrowitsch (Пётр Александрович), Darja Petrowna (Дарья Петровна), Sinaida Prokowjewna Bunina / Sina (Зинаида Прокофьевна Бунина / Зина), Wlas (Влас), Fjodor Pawlowitsch Sablin (Фёдор Павлович Саблин), Klim Grigorjewitsch Tschugunkin (Клим Григорьевич Чугункин), Polasucher (Поласухер), Polosow (Полозов), Wasnezowa (Васнецова), Pestruchin (Пеструхин).

Американский исследователь творчества М. Булгакова Лаура Д. Уикс обращает внимание на то, что многие персонажи имеют реальные прототипы из числа современников писателя. В частности, прототипом Ивана Бездомного могли послужить пролетарские поэты Александр Безыменский и Демьян Бедный [61, с. 20].

Булгаковед из Эстонии, И. З. Белобровцева, в свою очередь, замечает, что почти во всех произведениях Булгакова постоянно присутствует музыка в виде названий отдельных произведений и авторов, поскольку музыкальная тема была чрезвычайно важна для него, в юности он даже собирался стать оперным певцом. Несколько героев М. Булгакова носят «музыкальные» фамилии: это ифиндиректор театра Варьете Римский, «унаследовавший» первую часть фамилии Н. А. Римского-Корсакова; и директор психиатрической клиники профессор Стравинский, однофамилец знаменитого баса Федора Стравинского (первого исполнителя партии Мефистофеля в России) и его сына, композитора Игоря Стравинского; а также Берлиоз, который носит фамилию французского композитора Гектора Берлиоза, автора оперы «Фауст». Таким образом, в романе М. Булгакова «Мастер и Маргарита» можно проследить аллюзии на знаменитый шедевр И. В. Гёте [4, с.232].

б) имена персонажей других произведений:

Определенные параллели между произведениями М. А. Булгакова и И. В. Гёте можно найти и в системе образов. *Margarita Nikolajewna* (*Маргарита Николаевна*) в литературном плане восходит к Маргарите «Фауста» Гёте. Кроме того, работая над романом, Булгаков изучал статьи из Энциклопедического словаря Брокгауза и Эфрона о французских королевах, носивших имя Маргарита, – Маргарите Наваррской (1492-1549) и Маргарите Валуа (1553-1615) и наделил свою героиню некоторыми их чертами [46, с. 270].

Б. В. Соколов подчеркивает, что несмотря на то, что такой персонаж, как *Meister* (*Мастер*), является во многом для Булгакова автобиографическим, в нем также обнаруживаются некоторые сходства с героем драматической поэмы «Фауст» – доктором Вагнером [26, с. 86].

«Князь тьмы» *Voland* (*Воланд*) во многом ориентирован на Мефистофеля «Фауста» И. В. Гёте, в том числе из оперы «Фауст» Шарля Гуно. Само имя Воланд заимствовано из поэмы Гёте, где оно упоминается лишь однажды – так называет себя Мефистофель в сцене Вальпургиевой ночи, требуя от нечисти дать дорогу: «Дворянин Воланд идет!» [26, с. 53].

Рассмотрим имена литературных героев, заимствованные из других произведений:

Демон войны *Abaddonna* (*Абадонна*) своим именем, по всей видимости, обязан повести писателя и историка Н. А. Полевого «Абадонна», а также стихотворению поэта Василия Жуковского «Аббадона», представляющему собой вольный перевод эпилога поэмы Фридриха Готлиба Клопштока "Мессиада". Герой стихотворения Жуковского - ветхозаветный падший ангел, возглавивший восстание ангелов против Бога и в наказание сброшенный на землю и обреченный на бессмертие [26, с. 35].

Фамилия *Korowjew* (*Коровьев*) образована на основе фамилии персонажа повести А. К. Толстого «Упырь» статского советника Теляева, который оказывается рыцарем Амвросием и вампиром [26, с. 67].

Имя другого члена свиты Воланда *Asasello* (*Азазелло*) образовано автором "Мастера и Маргариты" от ветхозаветного имени Азazel (или Азазель). Так зовут отрицательного героя ветхозаветного апокрифа – книги Еноха, падшего ангела, который научил людей изготавливать украшения и оружие [26, с. 38]. Имя кота-оборотня *Behemoth* (*Бегемот*) тоже взято из апокрифической ветхозаветной книги Еноха. Сведения о Бегемоте Булгаков, скорее всего, почерпнул из книги М. А. Орлова "История сношений человека с дьяволом", выписки из которой сохранились в булгаковском архиве [26, с. 50].

в) имена исторических личностей, ученых, писателей: *Gribojedow Alexander Sergejewitsch* (*Грибоедов Александр Сергеевич*), *Dostojewski* (*Достоевский*), *Lew Tolstoi* (*Лев Толстой*), *Lermontow* (*Лермонтов*), *Puschkin* (*Пушкин*), *Professor Metschnikow* (*профессор Мечников*), *Mendelejew* (*Менделеев*), *Gebrüder Elisejew* (*братья Елисеевы*), *Tschitschkin* (*Чичкин*), *Salomonskij* (*Соломонский*), *Nikitin* (*Никитины*), *Skuratow* (*Скуратов*), *im Kampf gegen Koltschak* (*на колчаковских фронтах*), *ein falscher Demetrius* (*Лжедмитрий*).

Неслучайно в произведениях М. А. Булгакова встречается множество имен русских писателей, а также названий их произведений, ведь Булгаков знал и любил русскую литературу XIX века. Он полагал, что современная литература не может развиваться без освоения культурного наследия предыдущих эпох. Первый съезд писателей и перестройка литературно-художественных организаций привели к тому, что в 1930-е годы были обозначены жесткие методологические рамки советской литературы [18, с. 13]. В литературных кругах сформировалось негативное отношение к классическому наследию, следование традициям Гоголя и Островского, Чехова и Щедрина воспринималось как препятствие на пути к развитию революционной культуры» [20, с.6]. В этот период Булгакова особенно занимает тема драматических, а подчас и трагических судеб писателей, их столкновения с деспотией [48, с.8].

3. Вслед за Г. Д. Томахиным мы выделяем в этом тематической группе названия произведений литературы и искусства[31, с. 8]: "*Schwarzer Wolken Sturmeseilen...*", («Буря мглою небо кроет...»), "*Der geizige Ritter*" («Скупой рыцарь»), "*Verstand schafft Leiden*" («Горе от ума»), "*Die toten Seelen*", («Мертвые души»), "*Revisor*" («Ревизор»), "*Eugen Onegin*" («Евгений Онегин»).

4. Г. Д. Томахин также относит к реалиям цитаты, крылатые слова и выражения и называет их реалиями афористического уровня[31, с.10]. В проанализированном материале нам встретились следующие реалии такого типа:

а) цитаты: "*Es liegt viel Gold dort im Revier, und all das Gold gehört nur mir ...*" («Там груды золота лежат и мне они принадлежат»);

б) крылатые слова и выражения: "*Im Hause der Oblonskis war alles aus dem Geleise geraten*" («Все смешалось в доме Облонских»).

Кроме того, в этой тематической группе мы, как и В. С. Виноградов, выделяем:

5. Названия гостиниц: *das "Metropol"* («Метрополь»), "*Astoria*" («Астория»), *der "Slawische Basar"* («Славянский базар»).

6. Названия ресторанов: *das "Kolisej"* («Колизей»), *das Restaurant "Bar"* (ресторан «Бар»).

7. Названия газет: *die "Prawda"* («Правда»), *die "Abendzeitung"* («Вечерняя»), "*Literaturzeitung*" («Литературная газета»).

II Общественно-политические реалии:

Для воссоздания более полной картины описываемой исторической эпохи М. Булгаков прибегает к использованию слов-реалий, обозначающих различные аспекты общественно-политической жизни. Они составляют 23% от общего количества реалий.

1. Политическая деятельность и деятели: *eine soziale Revolution* (социальная революция), *die Konterrevolution* (контрреволюция), *der Bolschewismus* (большевизм), *die Bolschewiken* (большевики), *ein Menschewik* (меньшевик), *der Weißgardist* (белогвардеец), *ein roter Kommandeur* (красный

командур), *die Komsomolzin* (комсомолка), *imperialistische Räuber* (империалистические хищники).

2. Социальные явления и движения и их представители: *das Proletariat* (пролетариат), *ein Proletarier* (пролетарий), *die Gutsbesitzer* (помещики), *ein kleiner Kulak* (кулачок), *Spekulant* (нэпман), *Mitglied der menschlichen Gesellschaft* (член социалистического общества), *im Zuchthaus sein* (каторжный). К этой же категории относятся и столь характерные для советской эпохи канцеляризмы: *der Werktätige* (трудовой элемент), *aus Gründen der Arbeitsdisziplin* (в порядке трудовой дисциплины), *die Frage der Einweisung weiterer Mieter* (вопрос об уплотнении квартир дома), *Wohnungsangelegenheiten / die Wohnungsfrage* (квартирный вопрос), *schöpferischer Urlaub mit Vollpension* (полнообъемные творческие отпуски), *schöpferische Eintagsreisen* (однодневная творческая путевка).

3. Сословия и их представители: *eine Kaufmannswaise* (купеческая сирота), *wie ein richtiger Herr* (как барин), *Herrschaftskoch* (барский повар), *ein herrschaftlicher Hund* (барский пес) – в последних двух словосочетаниях прилагательное имеет непосредственное отношение к сословиям, оно соотносится по значению с существительными барин и барыня [70].

4. Титулы: *Grafen Tolstoj* (графы Толстые), *Graf* (барон); *Herzog* (государь), *das Zarenregime* (царский режим), *Münzen aus der Zarenzeit* (монеты царской чеканки).

5. Особое место в произведениях «Мастер и Маргарита» и «Собачье сердце» занимают обращения, характеризующие речевой этикет советского времени: *Genosse* (товарищ), *Bürger* (гражданин); *Bürgerin, Frau* (гражданка); *Bürger, Leute, meine Damen und Herren* (граждане).

После Октябрьской революции в Советской России и Советском Союзе слово «товарищ» стало использоваться как общепринятое обращение [76, с. 247]. В официально-деловых ситуациях, например, в судебном делопроизводстве, применялось обращение «гражданин».

Также в данных произведениях встречаются формы обращения, использовавшиеся в Российской империи: *gnädiger Herr* (сударь), *lieber Herr* (милостивый государь), *Herr* (господин), *Frau / verehrte Dame* (госпожа), *mein Herzblatt* (душенька). В основном их используют персонажи, которые критически относятся к советскому строю, в частности, профессор Преображенский («...а вас, милостивый государь, прошу снять ваш головной убор, – внушительно сказал Филипп Филиппович» [79, с.11]. «Если вам угодно, чтобы вас перестали именовать фамильярно "Шариков"; и я, и доктор Борменталь будем называть вас "господин Шариков"» [79, с.40]).

6. Названия государственных и общественных учреждений:

die Moskauer Literatenassoziation MASSOLIT (Московская литературная ассоциация МАССОЛИТ), *Haus der Dramlit* («Дом Драмлита») / *"Haus der Dramatiker und Literaten"* («Дом драматурга и литератора»), *die Sektion Lyrik* (поэтический подраздел), *Angler- und Datschensektion* (рыбно-дачная секция), *das Varietetheater / das Variete* (театр Варьете / Варьете), *die Finanzabteilung der Kommission* (финзрелищный сектор), *die Akustische Kommission* (акустическая комиссия), *die Kommission für Schauspiele und Unterhaltungsveranstaltungen leichteren Typs* (комиссия зрелищ и увеселений облегченного типа), *die Kommission für schöngeistige Literatur* (комиссия изящной словесности), *die Moskauer Gebiets theaterkommission* (московская областная зрелищная комиссия), *das Kreiswandertheater* (разъездной районный театр), *das Ausländerbüro* (бюро иностранцев / интуристское бюро), *der Ausländerladen* (торгсин), *das Büro zur Bekanntmachung der Ausländer mit den Sehenswürdigkeiten von Moskau* (бюро по ознакомлению иностранцев с достопримечательностями Москвы), *die Moskauer Universitätsklinik* (клиника Первого МГУ), *der Allrussische Chirurgenverband* (Всероссийское хирургическое общество), *der Volkswirtschaftsrat* (совет народного хозяйства), *der Sowjet für Normalkost* (Совет Нормального питания), *das Konfektionsgeschäft* («Москвошвея»), *Mosselprom* (Моссельпром), *die Hausgemeinschaft* (жилтоварищество), *die Hausverwaltung*

(домоуправление / управление дома), *der Ölladen* (нефтелавка), *die Kriminalmiliz* (угрозыск), *die Kriminalpolizei* (уголовная милиция), *die Ausnüchterungszelle* (вытрезвитель), *die Staatsbank* (госбанк), *die Rechnungskontrolle* (счетно-проверочный отдел), *die Sparkasse* (сберкасса), *das Volksgericht* (народный суд).

В рассматриваемых нами произведениях упоминаются как реально существовавшие организации (например: торгсины – специальные магазины, открытые в начале 1930-х гг. для торговли на иностранную валюту, золото и серебро [68, с.412]), так и вымышленные самим писателем (*театр Варьете*, *акустическая комиссия*, *комиссия зрелищ и увеселений облегченного типа*, *финзрелищный сектор*, *счетно-проверочный отдел*, *Совет Нормального питания и т. д.*)

7. Гражданские должности и профессии:

Vorsitzender der Hausverwaltung (председатель домкома / домоуправления), *Vorsitzender der Hausgemeinschaft* (председатель жилищного товарищества), *Vorsitzender der Kulturabteilung* (заведующий культотделом), *Vorsitzender der Akustischen Kommission für die Moskauer Theater* (председатель акустической комиссии московских театров), *der Leiter der Programmabteilung in der Schauspielkommission* (заведующий программным отделением зрелищным комиссией), *Leiter der ersten Abteilung der Kommission* (заведующий первым сектором комиссией), *der Varietedirektor* (директор Варьете), *der Finanzdirektor* (финдиректор / финансовый директор), *Mitarbeiter des Instituts für Geschichte und Philosophie* (сотрудник института истории и философии), *ein Verkäufer* (приказчик), *der Betriebsabrechner* (счетовод), *der Planungsökonom* (экономист-плановик), *die Wagenführerin* (вагоновожатая), *die Schaffnerin* (кондукторша), *der Milizionär* (милиционер), *ein Polizist* (городовой), *der Kantinenwirt* (завхоз), *die Hausknechte* (дворники), *das Zimmermädchen* (горничная), *das Hausmädchen* (домработница), *Hausangestellte* (социалприслужница), *der Koch der Kantine für Normalernährung der Angestellten des Zentralen Volkswirtschaftsrats* (повар

столовой нормального питания служащих центрального совета народного хозяйства), *der Leiter einer Pilzaufkaufsstelle* (заведующим грибнозаготовочным пунктом), *der Zuckerfabrikant* (сахарозаводчик), *Bauberechtigte* (застройщики), *Leute von der Wohnungsgenossenschaft* (жилтоварищи), *Leiter der Unterabteilung zur Säuberung der Stadt Moskau von herrenlosen Tieren (Katzenund ähnliches) beider Abteilung des MKCh* (заведующий подотделом очистки города Москвы от бродячих животных (котов и пр.) в отделе МКХ).

Тематическую группу «Общественно-политические реалии» мы выделили, опираясь на классификацию С. Влахова и С. Флорина, однако раздел «Гражданские должности и профессии» мы позаимствовали у В. С. Виноградова. В классификации болгарских лингвистов есть аналогичный раздел «Люди труда», но относится к группе этнографических реалий, которую мы в рамках нашего исследования не рассматриваем.

III. Бытовые реалии составляют 23,23 % от общего числа выборки. Они в свою очередь подразделяются на следующие разделы:

1) Пицца, напитки: *die Pelmeni* (пельмени), *der Borstsch* (борщ), *Napfkuchen* (баба), *die „Extrakrakauer“* («особая краковская») / *das Produkt des Mosselprom* (моссельпромское изделие), *Preßkaviar* (паюсная икра), *Störrücken* (балык), *das Narsan* (нарзан), *die Aprikosenlimonade* (абрикосовая), *ein Glas Abrau* (бокал вина «Абрау-Дюрсо») / *"Abrau-Durso"-Flaschen* (бутылки «Абрау Дюрсо») *Ai-Danil-Weißwein* (белое сухое «Ай-Даниль»), *Starka* (старка), *zwei Gläser Wodka* (две стопки водки); бытовые заведения (общественного питания и др.): *eine Diätküche* (диетическая столовая), *Betriebsküche* (фабрика-кухня), *ein Büdchen "Bier und div. Mineralwasser* (будочка с надписью "Пиво и воды"), *"MSOP-Fleischverkauf"* (МСПО – мясная торговля), *"Glawryba" / "Abyr-walg"* («главрыба» / «абыр-валг»), *der Konsumladen* (кооператив Центрохоза).

Под перифразой «моссельпромское изделие» в повести «Собачьё сердце» понимается «особая краковская» колбаса, которую профессор

Преображенский покупает для Шарика в магазине «Центрохоза». Моссельпром представлял собой трест по переработке сельскохозяйственной продукции, существовавший в Москве в 1922-1937 гг. В его состав входили крупные государственные фабрики и заводы пищевой промышленности [77].

2) Одежда, включая обувь, головные уборы: *der tauagraue Sommeranzug* (летняя серенькая пара), *die Uniformjacke* (форменная куртка), *die Russenbluse* (толстовка), *ein Russenhemd* (косоворотка), *die Wintermütze* (шапка-ушанка); *Hut, der wie ein Brötchen aussah* (шляпа пирожком); *die Sportmütze* (кепка), *eine Jockeimütze* (жокейский картузик), *die Karpe* (куколь), *die Schürze* (передник), *Filzstiefel* (валенки), *rote Armbinde* (алая повязка).

В послереволюционной России одежда во многом имела знаковый характер и идеологический смысл, определяла место человека в общественной иерархии, определяя принадлежность к какой-либо социальной группе [4, с. 145].

В 1920-е гг. остро встал вопрос о том, какую одежду должны носить комсомольцы. Белая блузка, черная юбка и красная косынка кодировали принадлежность женщины к комсомольским активисткам (как фригийский красный колпак эпохи Великой Французской революции). Поэтому не возникло никаких сомнений по поводу того, что водителем трамвая, сбившего Берлиоза, была комсомолка – на ней была надета алая повязка, атрибут женской пролетарской моды [там же, с.219-220].

Наличие шляпы (предмет внешнего облика старой интеллигенции) интерпретировалось как принадлежность к «классовым врагам», а кепка, напротив, считалась в СССР признаком демократизма в одежде. Такой стереотип возник под влиянием широко растиражированного образа вождя революции В. И. Ленина, носившего кепку. Но в начале 1930-х годов и советская элита начинает носить шляпы [там же, с.145]. В романе «Мастер и Маргарита» председатель объединения литераторов М. Берлиоз появляется со своей «приличной шляпой пирожком» в руке. А внешний облик

популярного пролетарского поэта Ивана Бездомного полностью соответствует «классовым нормам» – в тексте он представлен как «вихрастый молодой человек в заломленной на затылок клетчатой кепке». Кепку надел и новоиспеченный Полиграф Полиграфович в «Собачьем сердце» [там же, с. 146].

3) Жилище, имущество: *die Datsche* (дача); *Haus, das als offenes Rechteck an die Sadowaja grenzte* (дом покоем расположенный на Садовой улице); *die Küche* (полати), *ein Badehäuschen* (баня), *die Gemeinschaftsküche* (общая кухня), *Aufgang* (парадное), *ein Samowar* (самовар), *eine Einem-Dose* (коробка из-под Эйнема), *dieses Zeug* («Жиркость»), *ein Finnenmesser* (финский нож), *das oder der Katapult* (рогатка), *ein Primuskocher* (примус), *die Petroleumlampe* (керосинка), *die Flasche* (литровка), *ein Weinglas* (лафитничек), *eine Truhe* (ларь), *ein Lacksiegel* (сургучная печать).

В данных произведениях прослеживаются характерные приметы советского быта 20-30-х годов XX века: например, примус – предшественник газовых и электрических плит. В погоне за Воландом и его свитой Иван Бездомный в одном из домов замечает около десятка потухших примусов – признак коммунальной квартиры. В данном случае понятно, что в квартире живет около десяти семей, имеющих общую кухню [там же, с. 228].

Или, к примеру, во сне Никанора Ивановича Босого один из валютчиков признается, что валюта хранится в коробке из-под Эйнема – металлической коробке из-под монпансье, кофе или какао фабрики «Эйнем», называвшейся по имени владельца (позже – московская кондитерская фабрика «Красный Октябрь») [там же, с. 2007: 318].

А такая деталь, как сургучная печать на двери квартиры, в контексте эпохи 1920-1930-х годов воспринималась как знак ареста её владельца. По этой причине бледнеет Степан Богданович Лиходеев, когда видит сургучную печать на дверях комнаты Берлиоза – он решил, что его сосед арестован [там же, с. 262].

4) Виды занятий: *Tourist / der ausländische Tourist* (интурист), *Freikartenjäger* (контрамарочники), *Kartenaufkäufer* (барышники), *Devisnik* (валютчик), *in Devisen spekulieren* (спекулировать валютой), *ein Spion* (шпион), *spionieren* (нашпионить), *Schädling* (вредитель), *Denunziationen* (доносы), *Verleumdungen* (клеюзы), *ein Blitzgespräch* (сверхсрочный разговор, сверхмолния), *Bestätigung drahten* (молнирывать).

Понятия «контрамарочники» и «барышники» были крайне актуальны для театральной Москвы времен М. Булгакова.

Контрамарочник – тот, кто посещает театр, цирк и иные культурно-развлекательные и культурно-просветительские учреждения по талонам, дающим право на бесплатное посещение театра, цирка и т.п. [70].

Барышник –термин, служащий для обозначения мелких торговцев, занимающихся скупкой разного рода вещей с целью выгодно перепродать их потребителю. Нередко барышниками называют лиц, занимающихся скупкой театральных билетов с целью перепродать их публике частным образом, по значительно высшим ценам [69]. Именно в таком значении это слово употребляется в произведении «Мастер и Маргарита».

Кроме того, в данном романе нашла отражение кампания советской власти по изъятию у населения валюты, золота и драгоценностей. Изъятие ценностей у так называемых «валютчиков» – тех, кто занимается незаконными операциями с иностранной валютой [70], проходило несколькими волнами, начиная с 1918 г., затем в 1928-1929 и 1931-1933 гг. [27, с.112].

5) Музыкальные инструменты, народные танцы и песни: *die Balalaika* (балалайка), *die Holzflöte* (дудочка), *Harmonika* (гармоника), *Komarinski* (камаринский), *"Der Mond leuchtet über den Wiesen"* («Светит месяц»), *"Ach Äpfelchen, wo rollst du hin"* («Яблочко»), *"Herrlicher Baikal, du heiliges Meer..."* («Славное море священный Байкал»).

6) Транспорт (средства и «водители»): *das Fährboot* (речной трамвай), *der D-Zug* (курьерский), *die Peitsche eines Kutschers* (извозчий кнут), *die*

Kutscher (лихачи) – в данном случае также имеются в виду извозчики, до начала 1930-х годов они еще сосуществовали в Москве с автомобилями-такси [4, с.249].

7) Меры и деньги:

а) единицы мер: *über zwei Meter groß (ростом в сажень), die zwanzig Meter (саженей на десять); eine Viertelelle (четверть аршина), acht Quadratmeter (шестнадцать квадратных аршин); eine ganze Werst (за версту); ungefähr 50 Kilo (около трех пудов), drei Zentner (пудов десять); ein bißchen Fleisch (с осьмушку мяса); von ungefähr einem Lot (золотников на пять), zwei Fußbreit (две пяди).*

б) денежные единицы: *der Rubel (рубель), die Kopeke (копейка), das Zehnkopekenstück, zehn Kopeken, der Zehner (гривенник); Tscherwonzen, Zehnrubelscheine, Zehnerscheine, Zehner (червонцы), zwanzig Rubel (два червонца); acht Rubel fünfzig (восемь с полтиной), neunehhalb Rubel (десять с полтиной); fünfzig Kopeken (по полтиннику); Dreirubelscheine (трешки), ein Dreirubelschein (трехрублевка); zwanzig goldene Zehnrubelstücke (двадцать золотых десяток), fünfzehn Kopeken (пятиалтынный), anderthalb Rubel (полтора целковых), im Wert von vierzig tausend Goldrubel (в сорок тысяч золотом), Heller (грош), drei blitzende Münzen (три блестящих полтинника), unser sowjetisches Geld (наши советские).*

В анализируемых нами произведениях используются как нейтральные обозначения единиц мер и денежных единиц (аршин, сажень, рубль), так и просторечные названия и тех и других (осьмушка, целковый, гривенник).

Особый интерес представляет собой понятие «червонец». С начала XX века в обиходе червонцами принято называть банкноты номиналом в десять единиц (рублей, гривен и т. д.). Это связано с тем, что в 1922-1927 гг. Госбанк СССР в ходе денежной реформы выпускал банковские билеты достоинством в 1, 2, 3, 5, 10, 25 и 50 червонцев, при этом золотое содержание одного червонца соответствовало количеству золота, которое содержалось в монете 10 рублей эпохи правления императора Николая II. После денежной

реформы 1947 г. червонцы были заменены новыми банковскими билетами, выраженными в рублях [4, с. 278].

Тематическую группу «Бытовые реалии» мы составили по аналогии с классификацией В. С. Виноградова, однако данный исследователь предлагал включить в эту группу реалий в том числе раздел «Обращения», но мы отнесли его так же, как и С. Влахов и С. Флорин, к общественно-политическим реалиям. Кроме того, опираясь на классификацию болгарских исследователей, мы выделили среди бытовых реалий раздел «Транспорт (средства и водители)».

Некоторые реалии не образовали самостоятельную тематическую группу в силу своей малочисленности: название лиц по месту жительства *die Moskauer* (москвичи), название государственного праздника *der Erste Mai* (первое число), название марки сигарет "*Lieblingsmarke*" («Наша марка»), сказочное существо *das Wunderpferdchen Gorbunok* (конек-горбунок), представитель религиозных течений *ein Popenknecht* (старообрядец), разговорное название Российской Социалистической Федеративной Советской Республики *die Sowjetunion* (ресефесер), название группы воздушных гимнастов "*vier Juesems*" («Четыре Юссемс»), гастролировавших в 1925 году по Москве; разговорное обозначение учетно-воинского документа "*Ich muß untauglich geschrieben werden*" («белый билет»).

Несколько реалий были обнаружены в составе фразеологизмов: *mit einer Wurst vom Tisch weglocken* (калачом не выманишь), *einen Hopak tanzen* (пуститься вприсядку).

В следующем параграфе мы проанализируем приемы передачи русских реалий из каждой тематической группы в немецких переводах М. А. Булгакова.

2.3 Приемы перевода реалий из различных тематических групп

Составленная классификация позволила нам выявить определенные тенденции и закономерности передачи реалий на немецкий язык, принадлежащих к разным предметным областям.

В теории перевода преобразования текста получают различные обозначения, одни из них полностью совпадают в различных теоретических описаниях процесса перевода, другие переименовываются при сохранении сути операции, третьи прослеживаются лишь в отдельных классификациях. Нередко переводческие преобразования текста обозначают термином трансформация (изменение семантических или формальных компонентов исходного текста при сохранении информации, предназначенной для передачи) [71, с. 172-173]. С. Г. Бархударов сводил все виды преобразований или трансформаций, осуществляемых в процессе перевода, к четырем элементарным типам, а именно: 1) перестановки, 2) замены, 3) добавления, 4) опущения [45, с. 190]. В. Н. Комиссаров разделяет переводческие трансформации в зависимости от характера преобразований на лексические (транслитерация и транскрипция, калькирование, конкретизация, генерализация, модуляция), грамматические (дословный перевод, членение предложений, объединение предложений, грамматические замены) и лексико-грамматические (антонимический перевод, описательный перевод, компенсация), принимая за основу различие уровней языковой системы [12, с. 172-173].

Другие исследователи прибегают к понятию «прием перевода». Р. К. Миньяр-Белоручев придерживается мнения, что независимо от комбинации языков в процессе перевода могут быть использованы такие приемы, как описательный перевод, конкретизация понятий, генерализация понятий, антонимический перевод и логическое развитие понятий [16, с. 172-173]. С. Влахов и С. Флорин предлагают следующую классификацию переводческих приемов: I. Транскрипция (транслитерация). II. Собственно перевод: 1) неологизмы (калька, полукалька, освоение, семантический неологизм), 2) замена реалий, 3) приблизительный перевод (родо-видовая замена,

функциональный аналог и описание, объяснение, толкования), 4) контекстуальный перевод [7, с. 93].

В нашей работе мы будем руководствоваться понятием «прием перевода», под которыми в переводоведении традиционно понимают конкретные операции, совершённые в процессе перевода.

В ходе исследования мы работали с переводами произведений «Мастер и Маргарита» и «Собачье сердце» на немецкий язык, выполненными квалифицированными переводчиками Томасом Решке и Гизелой Дрота. Исследование показало, что переводчики широко применяют различные приемы передачи реалий, выработанные переводческой практикой. Рассмотрим их более подробно:

Транскрипция и транслитерация – это приемы перевода лексической единицы оригинала путем воссоздания ее формы с помощью букв ПЯ. Прием транскрипции основан на фонетическом принципе, т.е. он подразумевает воссоздание звуковой формы иноязычного слова, в то время как прием транслитерации основан на передаче графического образа иностранного слова, т.е. буквенного состава. Ввиду того, что фонетические и графические системы языков значительно отличаются друг от друга, передача формы слова ИЯ на языке перевода всегда несколько условна и приближительна. При этом для каждой пары языков разрабатываются правила передачи звукового состава слова ИЯ [12, с. 173]. В современном переводоведении граница между транскрипцией и транслитерацией весьма условна и во многих случаях их довольно трудно отличить друг от друга [11, с. 159-160].

Калькирование – это переводческий прием, заключающийся в том, что слова и выражения одного языка переводятся на другой язык путем точного воспроизведения средствами ПЯ их морфемной или словесной (в случае устойчивых словосочетаний) структуры. В ряде случаев использование приема калькирования сопровождается изменением порядка следования калькируемых элементов, нередко в процессе перевода транскрипция и калькирование используются одновременно [12, с. 173-174].

Конкретизацией обычно называют замену слова или словосочетания ИЯ с более широким предметно-логическим значением на слово или словосочетание ПЯ с более узким значением. Во многих случаях применение конкретизации связано с тем, что в ПЯ отсутствует слово с более широким референциальным значением [там же, с. 176-177].

Генерализация – это преобразование, обратное конкретизации, при котором единица ИЯ, имеющая более узкое значение, заменяется единицей ПЯ с более широким значением [там же, с.174-175]. К данному приёму прибегают, если в языке перевода нет конкретных понятий, аналогичных понятиям исходного языка [16, с. 94].

Перевод с помощью аналога предполагает анализ синонимического ряда с целью подобрать слово или словосочетание, имеющее в данном контексте то же значение, что и неэквивалентное слово или словосочетание в исходном тексте [71, с. 19].

Модуляцией или смысловым развитием называется замена слова или словосочетания ИЯ единицей ПЯ, значение которой логически следует из значения исходной единицы. При этом значения соотнесенных слов в оригинале и переводе оказываются связанными причинно-следственными отношениями [12, с. 177-178].

Описательный перевод – это прием перевода, который состоит в описании средствами другого языка обозначенного понятия. Данный прием используется, если в языке перевода нет соответствующей номинации или она не известна переводчику [71, с. 129].

Добавление – это расширение термина ИЯ в ПЯ за счет использования поясняющих слов. Применяется для передачи имплицитных (подразумеваемых, но лингвистически не выраженных) элементов смысла оригинала [там же, с. 49].

Опущение представляет собой операцию, противоположную добавлениям. Предполагает отказ от передачи в переводе семантически

избыточных слов, т.е. выражающих значение, которое может быть извлечено из текста без их помощи [там же, с.130].

Теперь проанализируем особенности перевода реалий в различных тематических группах, а также отдельно разберем случаи неадекватной передачи реалий и удачные переводческие решения.

I. Ономастические реалии:

1. Транскрипция и транслитерация (69,39%): *Cholmogory* (Холмогоры), *die Kljasma* (Клязьма), *Margarita Nikolajewna* (Маргарита Николаевна), *Gribojedow Alexander Sergejewitsch* (Грибоедов Александр Сергеевич), *das "Metropol"* («Метрополь»), *die "Prawda"* («Правда»),

2. Калькирование (5,3%): *die Sperlingsberge* (Воробьевы горы), *die Totengasse* (Мёртвый переулок), *das Fürst-Wladimir-Denkmal* (памятник князю Владимиру), *die Patriarchenteiche* (Патриаршие пруды), *Karo-As* (Тузбубен), *"Literaturzeitung"* («Литературная газета»).

3. Полукалька (совмещение элементов транслитерации и калькирования) (11,02%): *der Chatowniki-Bezirk* (Хамовнический район), *der Alexandrowski-Garten* (Александровский сад), *die kleine Bronnaja-Straße* (Малая Бронная улица), *der Smolensker Markt* (Смоленский рынок), *der Kudrinskaja-Platz* (Кудринская площадь), *das Bolschoj-Theater* (Большой театр).

4. Аналог (1,22%): *die Christuskirche* (храм Христа), *das Jungfrauenkloster* (девичий монастырь), *die "Abendzeitung"* («Вечерняя»).

5. Модуляция (0,81%): *der liebe Iwan* (Иванушка), *im Kampf gegen Koltshak* (на колчаковских фронтах).

6. Добавление (2,04%): *der Sokolniki-Park* (Сокольники), *der Stadtteil Samoskworetschje* (Замоскворечье), *das Kalabuchowsche Haus* (Калабухов), *die Skatertny-Gasse* (Скатерный), *das Timirjasew-Denkmal* (Тимирязев).

7. Опушение (1,22%): *die Mjasnitzkaja* (Мясницкая улица), *die Sadowaja* (Садовая улица), *die Moskwa* (Москва-река).

8. Описательный перевод (0,4%): *ein falscher Demetrius* (Лжедмитрий).

Согласно проведенному нами исследованию, ономастические реалии чаще всего передаются на немецкий язык при помощи транскрипции и транслитерации, также активно происходит совмещение элементов калькирования и транслитерации, значительную долю переводческих решений составляет непосредственно само калькирование.

Названия литературных произведений, которые встречаются в романе «Мастер и Маргарита», были преимущественно заимствованы переводчиком Томасом Решке из уже готовых переводов: комедия А. С. Грибоедова *"Verstand schafft Leiden"* («Горе от ума») была переведена на немецкий язык Артуром Лютером; роман в стихах А. С. Пушкина «Евгений Онегин» (*"Eugen Onegin"*) впервые перевел Роберт Липперт; а с произведениями Н. В. Гоголя «Мертвые души» (*"Die toten Seelen"*) и «Ревизор» (*"Revisor"*) немецкие читатели впервые познакомились благодаря переводам Филиппа Лёбенштейна и Августа фон Видерта. Название стихотворения А. С. Пушкина «Буря мглою небо кроет...» (*"Schwarzer Wolken Sturmeseilen..."*) и строки из либретто оперы по одноименной повести А. С. Пушкина «Пиковая дама» «Там груды золота лежат и мне они принадлежат» (*"Es liegt viel Gold dort im Revier, und all das Gold gehört nur mir..."*), по всей видимости, были переведены самим Томасом Решке.

Такие переводческие приёмы, как транскрипция и транслитерация, – к которым переводчики особенно часто прибегали при переводе антропонимов, исключения составили только Тузбубен, Мастер, Иванушка, Шарик и Шариков – помогают сохранить колорит реалии, однако, на наш взгляд, в некоторых случаях эти приёмы влекут за собой частичную потерю смысла. Например, псевдоним Бездомный был призван подчеркнуть пролетарское происхождение поэта, ведь нередко в псевдонимах писателей и

поэтов 20-х годов возникало значение угнетенности и униженности (Демьян Бедный, Михаил Голодный и др.), они указывали на принадлежность к необеспеченным слоям общества [8, с. 478]. С нашей точки зрения, переводчикам не удалось донести значение псевдонима до немецких читателей только за счет транслитерации.

Однако тот факт, что переводчики достаточно часто использовали полукальку (в частности, при переводе топонимов), свидетельствует о том, что они стремились не только сохранить национальный колорит, но и передать содержание русских реалий.

Достаточно удачно был применен приём аналога при переводе антропонимов *Шарик и Шариков (Morrel)*. С одной стороны, в Германии на самом деле существует такая кличка собак, с другой – переводчику удалось передать и смысловую составляющую фамилии (в повести М. Булгакова подчеркивалось, что кличка Шарик, от которой произошла фамилия Шариков, как правило, ассоциируется с упитанным и откормленным псом, и немецкое слово *Morrel* имеет оттенок значения «полноватый») литературного персонажа, и адаптировать её форму в языке перевода (для немецкого языка характерны фамилии с окончанием *-el*), что обеспечило адекватную передачу ономастической реалии [56, с. 529].

Прилагательные из данной тематической группы, образованные от имен собственных (пречистенский, сухаревский), были переведены на немецкий язык существительными с предлогом – *in der Pretschistenka, von der Sucharewka*; прилагательное московский было переведено двумя способами – *Moskauer / vonMoskau*.

Примечательно, что фамилия семьи цирковых предпринимателей и артистов *Никитины* при переводе на немецкий не получила суффикс –*ŝ* (*Nikitin*).

II. Общественно-политические реалии:

1. Транскрипция и транслитерация (6,73%): *der Bolschewismus* (большевизм), *ein Menschewik* (меньшевик), *die Komsomolzin* (комсомолка), *der*

Milizionär (милиционер), Mosselprom (Моссельпром), MASSOLIT (МАССОЛИТ).

2. Калькирование (37,5%): *der Weißgardist (белогвардеец), ein roter Kommandeur (красный командир), imperialistische Räuber (империалистические хищники), die Hausgemeinschaft (жилтоварищество), Vorsitzender der Akustischen Kommission für die Moskauer Theater (председатель акустической комиссии московских театров), Wohnungsangelegenheiten / die Wohnungsfrage (квартирный вопрос).*

3. Полукалька (2,88%): *Grafen Tolstoj (графы Толстые), der Sowjet für Normalkost (Совет Нормального питания), Leiter der Unterabteilung zur Säuberung der Stadt Moskau von herrenlosen Tieren (Katzen und ähnliches) bei der Abteilung des МКCh (заведующий подотделом очистки города Москвы от бродячих животных (котов и пр.) в отделе МКХ).*

4. Аналог (22,11%): *die Gutsbesitzer (помещики), der Werktätige (трудовой элемент), Genosse (товарищ), ein Verkäufer (приказчик), ein Polizist (городовой), die Hausknechte (дворники).*

5. Модуляция (5,77%): *Münzen aus der Zarenzeit (монеты царской чеканки), Mitglied der menschlichen Gesellschaft (член социалистического общества), die Frage der Einweisung weiterer Mieter (вопрос об уплотнении квартир дома), die Kriminalmiliz (угрозыск), der Ausländerladen (торгсин).*

6. Генерализация (1,92%): *das Konfektionsgeschäft («Москвошвея»), die Moskauer Universitätsklinik (клиника Первого МГУ).*

7. Конкретизация (0,96%): *der Kantinenwirt (завхоз).*

8. Описательный перевод (3,85%): *wie ein richtiger Herr (как барин), gnädiger Herr (сударь), im Zuchthaus sein (каторжный), Leute von der Wohnungsgenossenschaft (жилтоварищцы).*

Суммируя все варианты адаптации общественно-политических реалий, можно сделать вывод о том, что самыми частотными приемами передачи слов в этой тематической группе являются калькирование (большинство калек представляют собой названия организаций и должностей), на втором месте

стоит перевод с помощью аналога, на третьем - транскрипция и транслитерация.

Частое обращение к приему калькирования выражает стремление переводчиков с предельной точностью отразить явления общественно-политической жизни СССР в 1920-1930 гг., раскрыть содержание деятельности организаций того времени.

При передаче общественно-политических реалий на немецкий язык было выявлено значительное количество неточностей.

Перевод выражения «*финзрелищный сектор*» представляется нам не совсем удачным в виду того, что слово «*Finanzabteilung*» буквально переводится как «финансовый отдел», оно не передает сути понятия «финзрелищный». Н. Ю. Хорецкая предлагает следующий вариант перевода: «*Abteilung für Schauspiele und Unterhaltungsveranstaltungen*» [Хорецкая 2013: 191], но такой перевод также нельзя назвать абсолютно точным, ведь в данном случае теряется смысл сокращения «фин», употребляющегося в сложных словах в значении финансовый или финансы. [74, с. 635]. Помимо этого, в переводе пропадает пародийное начало, поскольку выражение «финзрелищный сектор» пародирует канцелярский стиль.

Перевод названия такой организации, как *комиссия изящной словесности* (*Kommission für schöngeistige Literatur*) облегчает понимание этой реалии немецким читателям, однако утрачивает специфические коннотации, ведь под выражением *schöngeistige Literatur* в первую очередь подразумевается художественная литература. В переводе названия этой организации также теряется стилистическая окраска, которую привносит архаизм.

При переводе слова *нэпман* (*Spekulant*) переводчик подчеркнул, что в речи Шарикова это слово приобретает негативный оттенок значения, однако нужного коммуникативного эффекта в данном случае добиться не удалось, так как данный вариант перевода не включает основной компонент значения лексемы «частный предприниматель, торговец в первоначальный период

нэпа». При передаче понятия *кулачок* (*ein kleiner Kulak*) на немецкий язык, по всей видимости, напротив, была утеряна пренебрежительная коннотация.

Перевод титула «барон» (*Graf*) мы тоже расцениваем как неадекватный, потому что барон – это дворянский титул ниже графского (в России он был введен Петром I для высшего слоя прибалтийских дворян немецкого происхождения) [70]. Более того, данное понятие было заимствовано из немецкого языка [75], поэтому его следовало бы перевести как *Baron*.

III. Бытовые реалии были переведены следующим образом:

1. Транскрипция и транслитерация (10,48%): *der Borstsch* (*борщ*), *Starka* (*старка*), *die Balalaika* (*балалайка*), *Komarinski* (*камаринский*), *ein Samowar* (*самовар*), *Tscherwonzen* (*червонцы*).

2. Калькирование (8,57%): *die Gemeinschaftsküche* (*общая кухня*), *ein Finnenmesser* (*финский нож*), *die "Extrakrakauer"* («*особая краковская*»), *Lacksiegel* (*сургучная печать*), *der ausländische Tourist* (*интурист*).

3. Полукалька (5,71%): *Ai-Danil-Weißwein* (*белое сухое «Ай-Даниль»*), *"MSOP-Fleischverkauf"* (*МСПО – мясная торговля*), *eine Einem-Dose* (*коробка из-под Эйнема*), *Devisnik* (*валютчик*), *eine ganze Werst* (*за версту*).

4. Аналог (30,48%): *Napfkuchen* (*баба*), *ein Badehäuschen* (*баня*), *Filzstiefel* (*валенки*), *ein Blitzgespräch* (*сверхсрочный разговор, сверхмолния*), *der D-Zug* (*курьерский*), *von ungefähr einem Lot* (*золотников на пять*).

5. Модуляция (6,67%): *der mausgraue Sommeranzug* (*летняя серенькая пара*), *die Russenbluse* (*толстовка*), *ein Russenhemd* (*косоворотка*), *Störrücken* (*балык*), *ein Freikartenjäger* (*контрамарочники*), *Bestätigung drahten* (*молнирывать*).

6. Генерализация (9,52%): *die Karpe eines Patriarchen* (*патриарший куколь*), *die Wintermütze* (*шанка-ушанка*), *Tourist* (*интурист*), *die Küche* (*полати*), *dieses Zeug* («*Жиркость*»), *die Flasche* (*литровка*), *der Konsumladen* (*кооператив Центрохоза*), *die Kutscher* (*лихачи*), *ein bißchen Fleisch* (*с осьмушку мяса*), *drei blitzende Münzen* (*три блестящих полтинника*).

7. Конкретизация (8,57%): *rote Armbinde* (алая повязка), *die Sportmütze* (кепка), *fünzigKopeken* (по полтиннику); *im Wert von vierzigtausend Goldrubel* (в сорок тысяч золотом), *unser sowjetisches Geld* (наши советские).

8. Добавление (1,9%): *die Aprikosenlimonade* (абрикосовая), *ein Büdchen "Bier und div. Mineralwasser"* (будочка с надписью «Пиво и воды»).

9. Опускание (0,95%): *ein Glas Abrau* (бокал вина «Абрау-Дюрсо»).

10. Описательный перевод (1,9%): *Haus, das als offenes Rechteck an die Sadowaja grenzte* (дом покоем расположенный на Садовой улице); *Hut, der wie ein Brötchen aussah* (шляпа пирожком).

Что касается перевода бытовых реалий, можно заключить, что именно в этой тематической группе нами было выявлено наибольшее разнообразие переводческих приёмов. Самым частотным способом является перевод с помощью аналога, затем идут транскрипция и транслитерация. Кроме того, высокую частотность имеют приёмы генерализации, конкретизации и калькирования. Реже всего встречается прием опущения и описательный перевод.

Стоит отметить, что названия народных песен «Светит месяц» ("*Der Mond leuchtet über den Wiesen*"), «Яблочко» ("*Ach Äpfelchen, wo rollst du hin*"), упоминающихся в повести «Собачье сердце», были переведены на немецкий язык переводчицей Гизелой Дрола.

В переводоведении принято говорить о следующих достоинствах и недостатках перевода с помощью аналога, который особенно часто был применен при передаче бытовых реалий на немецкий язык: применение аналога не позволяет сохранить национальный и исторический колорит реалии, её форму. Однако переводчик передает смысловое содержание реалии, что в большинстве случаев помогает достичь нужного коммуникативного эффекта [53, с. 922].

Разнообразие переводческих приёмов, использующихся при передаче бытовых русских реалий на немецкий язык, можно проследить в первую

очередь на примере реалий-денег и реалий-мер. Одна и та же реалия была передана на немецкий язык самыми разными способами: например, слово червонец было переведено при помощи транслитерации (*Tscherwonzen*) и аналога (*Zehner*). Рассмотрим некоторые особенности реалий такого типа.

И. С. Алексеева указывает на такую особенность реалий-мер и реалий-денег, как соотнесенность с цифровой знаковой системой [1, с.183]. Кроме того, она отмечает, что реалии-меры, обладающие ярким историческим и национальным колоритом, как правило, передаются с помощью транскрипции [там же, с. 184]. Однако большая часть реалий-мер в рассматриваемых нами произведениях были переданы с учетом их смыслового содержания: *über zwei Meter groß* (постом в сажень), *drei Zentner* (пудов десять). По всей видимости, переводчик хотел приблизить, сделать их доступными для понимания немецкого читателя.

Вышедшие из употребления реалии-меры иногда приобретают другое, переносное, как правило, обобщенное значение [там же, с. 185] (с осьмушку мяса), что и было передано при переводе (*ein bißchen Fleisch*).

Денежные реалии-историзмы также теряют часть коннотативного значения, приближаясь к оценочным словам: например, старинная денежная единица «грош» вышла из употребления, но используется для обозначения небольшой суммы денег [там же, с.185]. По этой причине перевод данного слова был осуществлен не с помощью транскрипции, а с помощью аналога: «*steht ровно один ломаный грош*» – *ist keinen roten Heller wert*, ведь денежная единица *Heller* тоже применяется в современном немецком языке в значении «мелкая монета».

При переводе реалий-денег с ярко выраженной разговорной окраской, таких как полтора целковых (*anderthalb Rubel*), восемь с полтиной (*acht Rubel fünfzig*), десять с полтиной (*neuneinhalb Rubel*) переводчикам удалось передать значение реалии, однако был утрачен разговорный оттенок.

А понятие «двугривенный» в повести «Собачье сердце» было переведено на немецкий язык откровенно неудачно (*vierzig Kopeken*).

Учитывая, что гривенник – это сумма или монета в 10 копеек [72, с. 232], двугривенный – сумма размером не в сорок, а в двадцать копеек.

Также на наш взгляд, неудачно были переведены некоторые другие бытовые реалии: «фабрика-кухня» была передана на немецкий язык при помощи аналога *Betriebsküche*, который буквально означает «заводская столовая». Однако фабрика-кухня представляет собой крупное предприятие общественного питания с массовым механизированным приготовлением пищи [70]. Было бы более целесообразно использовать при переводе имеющееся в немецком языке понятие *Fabrik-Küche* [67].

Реалия "*Glawryba*" / "*Abyr-walg*" («главрыба» / «абыр-валг») подверглась транслитерации, сущность этой реалии не была раскрыта ни в контексте, ни в сносках, ни в комментарии. Такой перевод нельзя назвать адекватным, поскольку объем фоновых знаний немецкого читателя, не владеющего русским языком, вряд ли позволит ему без каких-либо пояснений воспринимать эту реалию в тексте перевода.

Завершая разговор об особенностях перевода бытовых реалий, следует также отметить любопытную особенность образования лексемы *Devisnik* (валютчик) – она была образована при помощи суффикса *-nik*, который имеет русское происхождение и означает принадлежность лица к какой-либо социальной группе. [60, с. 220].

Опираясь на результаты нашего исследования, мы можем сделать вывод о том, что транскрипция и транслитерация чаще всего используются для перевода ономастических реалий, прием калькирования в основном применяется для перевода общественно-политических реалий, а бытовые реалии преимущественно переводятся на немецкий язык при помощи аналога, при этом каждый из данных приемов имеет свои достоинства и недостатки. Поскольку лишь незначительная часть русских и советских реалий имеет в немецком языке точные однозначные соответствия, переводчики в большинстве случаев должны искать решение, которое может

быть обусловлено различными факторами лингвистического и экстралингвистического (прагматического) характера.

Заключение

В рамках данного исследования мы работали с переводами романа «Мастер и Маргарита» и повести «Собачье сердце» М. А. Булгакова на немецкий язык. Исследование показало: М. А. Булгаков передал в своих произведениях детали разных сторон советской жизни 1920-1930-х годов, отражающиеся в наименованиях советских учреждений, различных комиссий, предметов быта, слов, связанных с «квартирным вопросом», профессий и должностей и т. д.

Мы проанализировали, каким образом проявляется отношение писателя к языку, появившемуся после Октябрьской революции, на уровне использования языкового механизма и пришли к выводу, что советский язык для писателя стал не просто средством описания жизни современного ему

общества, но и предметом анализа человека с другой культурно-языковой ориентацией. Советские реалии становятся у М. А. Булгакова предметом языковой игры, при этом писатель прибегает к юмору, иронии, пародированию; чаще всего он обыгрывает новый вид слов, образованных путем аббревиации.

В произведениях М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита» и «Собачье сердце» обнаружился широкий спектр российских и советских реалий. Все выявленные реалии мы распределили по трем основным тематическим группам: ономастические, общественно-политические и бытовые, опираясь на классификации С. И. Влахова и С. П. Флорина, В. С. Виноградова, Г. Д. Томахина. При этом наиболее многочисленную группу составили ономастические реалии (53,76%).

Выяснилось, что при передаче российских национально-специфических реалий в переводах указанных произведений М. А. Булгакова на немецкий язык были использованы все основные приемы перевода, описываемые в переводческой литературе: транскрипция и транслитерация, калькирование, конкретизация и генерализация, перевод с помощью аналога, модуляция, описательный перевод, добавление и опущение как самостоятельно, так и в сочетании друг с другом. В работе мы представили краткую характеристику данных приёмов, указали их достоинства и недостатки.

Анализ всех вариантов переводческой адаптации реалий, представленных в романе М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита», свидетельствует о том, что самыми частотными способами адаптации ономастических реалий являются транскрипция и транслитерация; при переводе общественно-политических реалий переводчики чаще всего прибегают к калькированию; а бытовые реалии в большинстве случаев передаются на немецкий язык при помощи аналога. Переводческие неточности, выявленные в ходе анализа, позволяют сделать вывод о том, что неудачный выбор того или иного переводческого приема

может привести к потере стилистических коннотаций реалий, что обедняет перевод с художественно-эстетической стороны.

Список литературы

1. Алексеева, И. С. Введение в переводоведение : учеб. пособие для студ. филол. и лингвист. фак. вузов / И. С. Алексеева. – СПб : Филол. фак. СПбГУ, 2006. – 346 с.
2. Алексеева, М.Л. Теория и практика перевода : реалии : учебное пособие/ М. Л. Алексеева. – Екатеринбург : УрГПУ, 2008. – 205 с.
3. Алексеева, М.Л. Использование приема замены контекстуальным аналогом при передаче русских реалий на немецкий язык / М. Л. Алексеева // Вестник Челябинского государственного университета. – Сер. Филология. Искусствоведение. – 2009. – № 30.– С. 15-23.
4. Белобровцева, И. С. Роман М. Булгакова «Мастер и Маргарита». Комментарий / И. С. Белобровцева, С. К. Кульюс. – М. : Книжный клуб 36.6, 2007. — 496 с.

5. Верещагин Е. М., Лингвострановедческая теория слова. / Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров. – М. : Рус. яз., 1980. – 320 с.
6. Виноградов В.С. Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы) / В. С. Виноградов. – М. : Издательство института общего среднего образования РАО, 2001. – 224 с.
7. Влахов С. И., Непереводимое в переводе : учебное пособие / С. И. Влахов, С. П. Флорин. – 5-е изд. – М. : Р. Валент, 2012 – 406 с.
8. Гарбовский Н. К., Теория перевода : учеб. пособие для студентов филол. и лингвист. фак. вузов / Н. К. Гарбовский. – М. : изд-во Моск. ун-та (МГУ), 2007. – 542 с.
9. Зеленецкий, А. Л. Теория немецкого языкознания / А. Л. Зеленецкий, О. В. Новожилова. – М. : Академия, 2003. – 400 с.
10. Иванова Н. А., Сопоставительно-типологический анализ безэквивалентной лексики (на материале русского, немецкого и французского языков) :автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / Иванова Наталья Алексеевна; [Моск. гос. обл. ун-т]. – М., 2004. – 17 с.
11. Комиссаров В. Н., Современное переводоведение : учебное пособие / под ред. Д. И. Ермоловича. 2-е изд., испр.. – М. : Р.Валент, 2014. – 407 с.
12. Комиссаров В. Н., Теория перевода : (лингвистические аспекты): учебник для студентов институтов и факультетов иностранных языков / В.Н. Комиссаров. – Репр. изд.. – М. : Альянс, 2013. – 250 с.
13. Кубрякова Е. С. Язык и знание : На пути получения знаний о языке: части речи с когнитив. точки зрения. Роль языка в познании мира / Е.С. Кубрякова. – М. : Языки славян. культуры, 2004. – 555 с.
14. Лушникова Г. И. Когнитивные и лингвостилистические особенности литературной пародии : автореферат дис. ... доктора филологических наук : 10.02.19 / Лушникова Галина Игоревна ; [Кемер. гос. ун-т]. – Кемерово, 2010. – 44 с.

15. Масленникова Е.М. Особенности передачи ономастических реалий / М. Е. Масленникова // Иностранные языки: лингвистические и методические аспекты: Сб. науч. тр. – № 25. – С. 245-252.
16. Миньяр-Белоручев Р. К., Теория и методы перевода. / Р. К. Миньяр-Белоручев. – М. : ЧНУЗ "Моск. лицей", 1996. – 207 с.
17. Москальская, О. И. История немецкого языка : учеб.пособие для студентов лингвист. ун-тов фак. ин. яз. высш. пед. учеб. заведений / О. И. Москальская. – М. : Академия, 2006. – 288 с.
18. Мягков Б.С. Булгаковская Москва / Б.С. Мягков. – М. : Моск. рабочий, 1993. – 222 с
19. Ольшанский, И. Г. Лексикология. Современный немецкий язык / И. Г. Ольшанский, А. Е. Гусева. – М. : Академия, 2005. – 416 с.
20. Петров, В. Б. Художественная аксиология Михаила Булгакова / В. Б. Петров. – М. : Прометей, 2002. – 348 с.
21. Покотыло М.В. Сатира в контексте русской литературы XX в. / М. В. Покотыло // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. Сер. Литературоведение. – 2014. – № 8. – С. 262-267.
22. Прус К. Гротескность как способ изображения советской действительности в Собачьем сердце Михаила Булгакова / К. Прус // Михаил Булгаков, его время и мы. Краков : Изд. «scriptum», 2012. – С. 171-180.
23. Ролина О. К., Адаптация русских культуронимов при переводе на английский язык (на материале романа М.А.Булгакова "Мастер и Маргарита") : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / Ольга Константиновна Ролина ; [С.-Петербур. гос. ун-т]. – СПб., 2009. – 21 с.
24. Санджи-Гаряева З. С. Изображение и трансформация советского языка в произведениях М. Булгакова / З. С. Санджи-Гаряева // Михаил Булгаков, его время и мы. Краков : Изд. «scriptum», 2012. – С. 893-900.

25. Сдобников, В.В. Теория перевода / В.В. Сдобников, О.В. Петрова. – М. : АСТ: Восток-Запад, 2008. – 444 с.
26. Соколов Б. В. Булгаковская энциклопедия. Самое полное издание / Б.В. Соколов. – М.: Яуза, Эксмо, 2016. – 832 с.
27. Соколов Б.В. Расшифрованный Булгаков. Тайны «Мастера и Маргариты» / Б.В. Соколов. – М. : Яуза, Эксмо, 2016. – 608 с.
28. Солодуб Ю. П., Теория и практика художественного перевода : учеб. пособие для студентов филол. и лингвист. фак. вузов / Ю. П. Солодуб, Ф. Б. Альбрехт. – М. : Академия, 2005. – 296 с.
29. Степанова, М. Д. Лексикология современного немецкого языка / М. Д. Степанова, И. И. Чернышева. – М. : Академия, 2003. – 252 с.
30. Тер-Минасова С. Г., Язык и межкультурная коммуникация : учеб. пособие для студ. вузов/ С. Г. Тер-Минасова. – Москва : Слово, 2008. – 261 с.
31. Томахин, Г.Д. Реалии-американизмы: пособие по страноведению для ин-тов и фак. иностр. яз. / Г.Д. Томахин. – М. : Высшая школа, 1988. – 239 с
32. Федоров А. В. Основы общей теории перевода (лингвистические проблемы): учеб. пособие для студентов лингвист. ун-тов фак. ин. яз. высш. пед. учеб. заведений. / А. В. Федоров – 5-е изд. перераб. и доп. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ; М.: ООО «Издательский Дом «Филология Три», 2002. – 416 с.
33. Фененко Н. А. Язык реалий и реалии языка / А.А. Кретов (отв. ред.). – Воронеж : ВГУ, 2001. – 140 с.
34. Фененко, Н. А. Функциональный потенциал реалий во французском художественном тексте / Н. А. Фененко // Язык, коммуникация и социальная среда: ежегодное международное научное издание. – Воронеж, 2014. – Вып. 12. – С. 151-173.
35. Филичева, Н. И. История немецкого языка : учеб. пособие для студентов филол. и лингвист. фак. вузов / Н. И. Филичева. – М. : Академия, 2003. – 304 с.

36. Хабибьярова Э. М. Ирония истории в романе М. Булгакова / Э. М. Хабибьярова. Вестник Челябинского государственного педагогического университета. Сер. Филология. Искусствоведение. – 2009. – № 27. – С. 145-148.
37. Хайруллин В. И. Лингвокультурологические и когнитивные аспекты перевода : автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.20 / Владимир Иханович Хайруллин; [Моск. гос. лингв. ун-т]. – М., 1995. – 46 с.
38. Химич В.В. Странный реализм М. Булгакова / В. В. Химич. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та АРГО, 1995. – 232 с.
39. Хорецкая Н. Ю. Лингвокультурная адаптация реалий романа М. Булгакова «Мастер и Маргарита» при переводе на немецкий язык / Ю. Н. Хорецкая // Теория и практика иностранного языка в высшей школе. – Иваново: Ивановский государственный университет, 2013. – № 9. – С. 187-191.
40. Худзиньска-Паркосадзе А. Фантастические повести Михаила Булгакова как зеркало эпохи/Худзиньска-Паркосадзе А. // Михаил Булгаков, его время и мы.–Краков : Изд. «scriptum», 2012. – С. 151-170.
41. Чанышева З.З. Этнокультурные основания лексической семантики / З. З. Чанышева. – Уфа: РИО БашГУ, 2004. – 254 с.
42. Чепель Н. П., Прагматические аспекты перевода исторических реалий / Н. П. Чепель. – Рязань : Рязанский государственный университет, 2008.– 110 с.
43. Яблоков Е.А. Художественный мир Михаила Булгакова / Е.А. Яблоков. – М. : Яз. слав. культуры, 2001. – 419 с.
44. Asensio R. M. La traducción de referencias culturales / R. M. Asensio // Revista de la Facultad de Traducción e Interpretación. – 2000. –№ 10. – pp. 67-88.

45. Barchudarov L., Sprache und Übersetzung. Probleme der allgemeinen und speziellen Übersetzungstheorie / L. Barchudarov. – Moskau ; Leipzig : Enzyklopadie, 1979. – 258 S.
46. Barratt A., Between two worlds : A Critical Introduction to The Master and Margarita / A. Barratt. – Oxford : Clarendon press, 1987.– 347 p.
47. Bermann S., Nation, Language, and the Ethics of Translation / S. Bermann, M. Wood: Princeton University Press, 2005. – 413 p.
48. Curtis J. A. E. Bulgakov's last decade : The writer as hero / J. A. E. Curtis. – Cambridge etc. : Cambridge univ. press, 1987. – 250 p.
49. Fernandez Guerra A. Translating culture: problems, strategies and practical realities / A Journal of Literature, Culture and Literary Translation. – 2012. – №1. — Электрон. дан. — Режимдоступа:file:///C:/Users/U % 2 0 s % 2 0 e % 2 0 r / D o w n l o a d s / Translating_culture_problems_strategies_and_practical_realities%20(1).pdf. — Загл. сэкрана. — 15.04.2017.
50. Fix, U. Was ist kulturspezifisch an Texten? Argumente für eine kulturwissenschaftlich orientierte Textsortenforschung / U. Fix // Русская германистика. Ежегодник российского союза германистов. – М. : Языки славянской культуры, 2011. – Т. VIII. Культурные коды в языке, литературе и науке – С. 172-183.
51. Gambier Y., Handbook of Translation Studies Volume 2 / Y. Gambier, L.van Doorslaer: University of Turku, 2011. – 197 p.
52. Haber Edythe C., Mikhail Bulgakov : The early years / Edythe C. Haber. – Cambridge (Mass.); London : Harvard univ. press, 1998. – 285 p.
53. Kujamäki, P. Übersetzung von Realienbezeichnungen in literarischen Texten // Handbuch zur Sprach- und Kommunikationswissenschaft. Berlin & New York: de Gruyter, 2004. – S. 920-925.
54. Landers C. E., Literary Translation: A Practical Guide / C. E. Landers– Clevedon: Multilingual Matters Ltd., 2001. – 219 p.

55. Levin V., Das Grotleske in Michail Bulgakovs Prosa / V. Levin. – München : Verlag O. Sagner in Kommission, 1975. – 158 S.
56. Newmark P. Names as translation problem // Handbuch zur Sprach- und Kommunikationswissenschaft. Berlin & New York: de Gruyter, 2004. – S. 527-530.
57. Petrulionė L. Correlation of Cultural and Translation Studies in the process of Literary Translation / L. Petrulionė // Filologija: mokslo darbai. – 2013. – № 18. – pp. 126-141.
58. Roux-Faucard, G. (2002). Transtextualité et traduction: traduire le monde du récit // In Identité, alterité, équivalence: La traduction comme relation. – Paris-Caen : Minard, 2002. – pp. 277-293.
59. Schutte J., Einführung in die Literaturinterpretation / J. Schutte. – 3., überarb. u. erw. Aufl.. – Stuttgart Weimar : Metzler. 1993. – 228 S.
60. Stekauer P. Deutsch als Fremdsprache : ein internationales Handbuch / hrsg. Von G. Helbig. – Berlin, New York : De Gruyter, 2006. – Bd.19. – 1712 S.
61. Weeks L. D. The Master & Margarita : A crit. companion / Ed. by Laura D. Weeks. – Evanston (Ill.) : Northwestern univ. press, cop. 1996. – 252 c.
62. Wierzbicka A., Understanding cultures through their key words : English, Russian, Polish, German, and Japanese / A. Wierzbicka.– New York ; Oxford : Oxford univ. press, 1997. – 317 p.

Список словарей

63. Duden[Electronicresource]. — Электрон. дан. — Режим доступа : <http://www.duden.de>. — Загл. с экрана. — 25.04.2017.
64. Duden-Bedeutungswörterbuch: Wortschatz und Wortbildung. Rund 20.000 Stichwörter und Wendungen mit Angaben zu Grammatik und Aussprache / hrsg. u. bearb. von K. Kunkel Razum , unter Mitarb. von A.

- Konopka – 4., neu bearb., erweiterte Aufl. –Bd 10. – Mannheim ; Leipzig ; Wien : Bibliographisches Institut, 2010. –1151 S.
65. Duden-Fremdwörterbuch: Unentbehrlich für das Verstehen und den Gebrauch fremder Wörter / hrsg. u. bearb. von U. Kraif, unter Mitarb. von A. Auberle – 10. Aufl. –Bd 5. – Mannheim ; Zürich : Bibliographisches Institut, 2010. –1105 S.
66. Wortbedeutung.info [Electronicresource]. — Электрон. дан. — Режимдоступа :<http://www.wortbedeutung.info> — Загл. сэкрана. — 26.04.2017.
67. Enzyklo.de [Electronicresource]. — Электрон. дан. — Режимдоступа :<http://www.enzyklo.de> — Загл. сэкрана. — 23.04.2017.
68. Беловинский, Л.В. Энциклопедический словарь истории советской повседневной жизни / Л. В. Беловинский. – М.: Новое литературное обозрение, 2015.–776 с.
69. Брокгауз Ф. А. Энциклопедия Брокгауза и Ефрона. — Электрон. дан. — Режим доступа :<https://slovar.cc/enc/brokhauz-efron> — Загл. сэкрана. — 10.04.2017.
70. Ефремова Т. Ф. Толковый словарь русского языка. — Электрон. дан. — Режим доступа :<http://www.endic.ru/efremova> — Загл. сэкрана. — 23.02.2017.
71. Нелюбин Л.Л. Толковый переводоведческий словарь / Л.Л. Нелюбин. 3-е изд., перераб. – М.: Флинта: Наука, 2003. – 320 с.
72. Ожегов С. И., Толковый словарь русского языка : около 100 000 слов, терминов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов; под ред. Л. И. Скворцова. – 28-е изд., перераб.. – М.: Мир и образование, 2015. – 1375 с.
73. Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии / Отв. ред. А.В. Суперанская; –2-е изд., перераб. и доп. – М. : Наука, 1988. – 187 с.

74. Ушаков Д. Н., Толковый словарь современного русского языка : [100000 слов и словосочетаний] / Д. Н. Ушаков. – Москва : Аделант, 2014. – 799 с.
75. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. — Электрон. дан. — Режим доступа :<https://vasmer.lexicography.online>— Загл. с экрана. — 12.04.2017.
76. Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка : 13560 слов : Т. 2 / П.Я. Черных. – 3-е изд., стер. - М. : Рус. яз., 1999. – 560 с.
77. Энциклопедия «Москва» 1980 года. — Электрон. дан. — Режим доступа :<http://mos80.ru>— Загл. с экрана. — 23.02.2017.

Анализируемые тексты

78. Булгаков М. А. Мастер и Маргарита : романы / М. А. Булгаков. – Москва : Эксмо, 2016. – 636 с.
79. Булгаков М. А. Собачье сердце : повести, рассказы / М. А. Булгаков. – Москва : Мартин, 2016. – 316 с.
80. Bulgakow M. Der Meister und Margarita / M. Bulgakow. – München : Verlag: DTV, 2006. – 525 S.
81. Bulgakow M. Hundeherz / M. Bulgakow. – München : Verlag: DTV, 1997. – 151 S.